

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
LIV международной научно-практической конференции*

№ 10 (50)
Октябрь 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, редактор переводческой компании ООО «Аспект-Украина».

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент АНС «СибАК», Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, рецензент АНС «СибАК».

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам LIV междунар. науч.-практ. конф. № 10 (50). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. 74 с.

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Политология	5
1.1. История и теория политики	5
ПРАВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX: СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ Суслонов Павел Евгеньевич	5
Секция 2. Социология	10
2.1. Социология управления	10
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ Макина Анастасия Ивановна Кыргыз Ангырмаа Валентиновна	10
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ МОНИТОРИНГА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИМИ УСЛУГАМИ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ Мартынова Светлана Эдуардовна Балановский Алексей Павлович	16
Секция 3. Философия	25
3.1. История философии	25
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АЛЬ-ФАРАБИ (ВТОРОГО УЧИТЕЛЯ) Исаков Кубанычбек Абдыкадырович	25
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИБН СИНЫ Исаков Кубанычбек Абдыкадырович	31
РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XX ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ КЕНОСИСА Рожковский Виталий Борисович	36

Секция 4. История	42
4.1. История России	42
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА С КОНФЕССИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ Ламанская Нина Борисовна	42
«АНТИСТАХАНОВСКИЕ НАСТРОЕНИЯ» НА ПРЕДПРИЯТИЯХ КИРОВСКОГО КРАЯ В 1935—1936 ГОДАХ Чемоданов Павел Андреевич	48
ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МАРТЫНОВ (1759—1809). ТАМБОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА (1800—1803). ПЕРВЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬ ТАМБОВСКОГО ДВОРЯНСКОГО УЧИЛИЩНОГО КОРПУСА Шестаков Максим Валерьевич	54
4.2. Археология	63
ПАЛЕОГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МЕТАФОРЫ СВЕТА И ТЬМЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ ЕВРАЗИИ Окладникова Елена Алексеевна	63

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ПРАВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX: СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Суслонов Павел Евгеньевич

*канд. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой общественно-
научных дисциплин, ГАОУ ДПО Свердловской области
«Институт развития образования»
РФ, г. Екатеринбург
E-mail: dr.suslonow2010@yandex.ru*

RIGHT POLITICAL IDEOLOGY IN RUSSIA IN THE END OF XIX — THE BEGINNING OF XX: ESSENCE AND CLASSIFICATION

Pavel Suslonov

*candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of Social
and Scientific Disciplines Chair, SAEI CPE of the Sverdlovsk Region
“Institute of the Education Development”,
Russia, Ekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие и содержание идеологических концепций в правом политическом движении в России на рубеже XIX—XX веков, подчеркивается принципиальная противоположность правоконсерватизма и правоэкстремизма, выявляются политические ориентиры движения\ черносотенцев.

ABSTRACT

The article deals with the notion and content of ideological concepts in the right-wing political movement in Russia at the turn of XIX—XX centuries; the fundamental opposition of right-wing conservatism and right-wing extremism is marked; political movement \ reactionaries orientations are identified.

Ключевые слова: правоконсерватизм; правоэкстремизм; революция; национализм; «Черная сотня».

Keywords: right-wing conservatism; right-wing extremism; revolution; nationalism; “Black Hundreds”.

Правоконсервативные движения в XIX в. возникают практически во всех европейских странах как реакция на разрушительные тенденции, поражение Великой Французской революции. Идеологом данного движения можно назвать Клеменса Меттерниха, вдохновителя контрреволюционного союза европейских монархов (русского, прусского, австро-венгерского). Данное движение можно назвать национально-консервативным, т. к. под традиционными ценностями понимались национальные ценности.

Даже беглый взгляд на национально-консервативную модель говорит о ее принципиальном неприятии политического экстремизма. Поэтому совершенно справедливо в качестве актуальнейшего для современных историков и политологов ставил вопрос Митрополит Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев): «Что послужило причиной вырождения национально-консервативной идеологии в агрессивное, бездуховное мировоззрение откровенного расизма и националистической нетерпимости?» [1, с. 67].

Этот вопрос является весьма актуальным как для российского, так и для европейского сообщества, поскольку национально-консервативные ценности все больше и больше овладевают умами и сердцами европейских и российских избирателей. Следует ответить на вопрос: где грань, отделяющая «здоровый» национализм и патриотизм от политического правого экстремизма?

Нам представляется, что правоконсерватизм и правоэкстремизм, несмотря на сходство отдельных лозунгов и образов, — это две различные, совершенно не сводимые друг к другу политические доктрины. Они могут сосуществовать в рамках одного общества и традиции, но фундаментальные различия рано или поздно дадут о себе знать. Представители одной и той же традиции жестоко воюют друг с другом, взаимно обвиняя в вероотступничестве и заблуждениях.

В России данное различие дало о себе знать в правом движении начала XX в. Произошло серьезное размежевание в правом стане на консерваторов-конституционалистов европейского типа (октябристы и кадеты) и праворадикалов-экстремистов (собирательное наименование — «Черная сотня»). В советской исторической литературе обычно педалировали только один аспект идеологии черносотенцев — антисемитизм, хотя он был далеко не единственным и не главным. Название «Черная сотня» очень точно обозначает социальный состав движения — общенародный и всеобщий. В допетровской Руси черными сотнями называли «простой люд», податное тягловое население городских посадов. Подобная допетровская терминология символизировала оппозицию консервативно-бюрократическому государству, своеобразный «темный мужицкий демократизм». Поэтому видеть в черносотенцах только ксенофобов, антисемитов, шовинистов было бы ошибочно.

Черносотенное движение сочетало в себе национал-традиционализм со стремлением к удовлетворению потребности русского народа к социальной справедливости, к народовластию. В черносотенстве в равной степени воплотились и ультра национализм, и антикапитализм с антибюрократизмом. Среди требований Союза русского народа (СРН) были ограничение рабочего дня, государственное страхование рабочих, выделение дешевых предметов крестьянского хозяйства, предоставление каждому сельскому жителю минимума земли. Современники отмечают сходство тогдашних русских левых и правых радикалов: «Крайне правое крыло этого движения (СРН) усвоило себе почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была лишь в том, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем самодержавного царя, как представителя интересов народа и его защитника от угнетения богатыми, а другие — именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику» [2, с. 290].

Представляется, что неприязнь капитализма не была у черносотенцев чем-то случайным и конъюнктурным, исходящим из общей популярности в России того времени социалистических идей. По своему социальному составу черносотенцы не принадлежали к «бедным низам», но и не были буржуазией в чистом виде. Среди руководителей организации были врачи, журналисты, адвокаты, профессора, отставные военные. Основную же массу рядовых членов составляли мелкие трудящиеся собственники, представители традиционного сектора экономики, в равной степени страдающие

и от конкуренции крупных предпринимателей, и от «левых» забастовок.

Русские праворадикалы начала XX в. тяготели к «национал-капитализму» — третьему пути в экономике, о чем пишет один из руководителей СРН А.А. Майков: «Признавая, однако, что без капитала невозможны ни промышленность, ни торговля, ни вообще какое бы то ни было хозяйство, черносотенники считают, что необходимо, чтобы капитал занимал служебное относительно народа и государства положение, но не являлся бы исключительной, движущей в государстве силой. Признавая полную несостоятельность борьбы с капиталом, проповедуемой анархистами-социалистами, стремящимися уничтожить всякую собственность и власть, черносотенцы признают, что исключительное господство капитала есть великое зло и считают, что только неограниченная царская власть способна охранять народ от чрезмерного гнета капиталистов» [3, с. 23].

Несмотря на ненависть по отношению к «левым», сами черносотенцы являлись сторонниками радикальных, революционных изменений в обществе. Массовые уличные выступления «черных сотен» начались как реакция на октябрьский манифест. В выборах в Думу черносотенцы участвовали для того, чтобы подорвать российский парламентаризм изнутри. «Черносотенники желают полного переустройства русской жизни, осуждают всю правительственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, всего последнего времени и желают самых коренных реформ. Но только они домогаются, чтобы реформы эти были произведены в духе русского народа, согласно с его историей, чтобы реформы явились естественным развитием всего созданного русским народом, а не являлись бы проявлением чуждых русскому народу учений и учреждений» [3, с. 30].

Черносотенцы отрицали принцип всеобщего равного избирательного права, настаивая на корпоративном устройстве высшего представительного органа страны (данная идея была развита в Европе в 20—40-е гг.) В состав Собора или Думы должны, по их мнению, входить только представители русского православного народа, инородцы же должны иметь своих особых представителей при Думе. Выборы должны производиться по сословному принципу, каждый думец должен представлять определенное сословие.

Русских праворадикалов начала XX в. в лице «Черной сотни» (СРН) можно рассматривать как предтечу, прообраз правоэкстремистского движения Германии и Италии 20—40-х гг. Но в целом СРН так и не смог создать законченной национал-социалистической политической модели. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых,

черносотенное движение не сумело полностью оторваться от своих консервативных корней. Верность традиционным формам политической жизни в лице самодержавия не позволяло признать факт глубокого кризиса романовской династии как политического клана. Также, на наш взгляд, черносотенцы не сумели, в отличие от леворадикалов, использовать потенциал народного стремления к социальной справедливости, к радикальному переустройству отношений собственности. Во-вторых, несмотря на «фирменный знак» СРН — яркий антисемитизм, черносотенцы в целом не создали четкой национальной программы (конструктивного или деструктивного плана). Возможно, это следствие русской ментальности, что является темой отдельного исследования.

Список литературы:

1. Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. — СПб.: Издательство Л.С. Яковлевой, 1994 — 352 с.
2. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995. — 445 с.
3. Майков А.А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907. С. 23. — 45 с.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Макина Анастасия Ивановна

*канд. ист. наук, доцент кафедры социальной работы
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова»,
РФ, г. Абакан
E-mail: makinaai@mail.ru*

Кыргыз Ангырмаа Валентиновна

*студент 4 курса направления подготовки «Социальная работа»
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова»,
РФ, г. Абакан*

REGIONAL ASPECTS OF THE ASSESSMENT OF QUALITY OF SOCIAL SERVICES

Anastasia Makina

*candidate of science, assistant professor social work Department
Khakas state University after N.F. Katanov",
Russia, Abakan*

Angurmaa Kyrgys

*4th year student of the specialty "Social work"
Khakas state University after N.F. Katanov",
Russia, Abakan*

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования, целью которого являлось проанализировать опыт оценки качества социальных услуг в Республике Хакасия. Методы — анкетирование социальных работников, эксперт-опрос специалистов социальной работы, членов Общественного совета. По результатам исследования были выявлены проблемы оценки качества социального обслуживания: проблемы организации оценки качества социального обслуживания; проблемы кадрового обеспечения оценки качества социального обслуживания; проблемы, связанные с инструментом оценки качества социального обслуживания.

ABSTRACT

The article presents the results of the study, the purpose of which was to review the experience of quality assessment of social services in the Republic of Khakassia. Methods — a survey of social workers, the expert survey of specialists of social work, members of the Public Council. According to the results of the study identified the problem of quality assessment of social service: problems of organization of evaluation of quality of social services; staffing problems of assessing the quality of social services; the problems associated with the assessment tool of quality of social services.

Ключевые слова: социальное обслуживание; социальная услуга; качество социальной услуги; оценка качества; региональные аспекты.

Keywords: social services; social service; social services; quality assessment; regional aspects.

В результате административной реформы системы социальной защиты населения России, начатой в 2008 году и направленной

на модернизацию ее структурно-организационных и нормативно-правовых основ, произошло разграничение таких направлений социальной защиты, как социальная поддержка и социальное обслуживание населения, реализуемых как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. В связи с этим возникла потребность в специальном исследовании этих направлений.

В настоящее время происходят изменения в законодательстве социального обслуживания населения. С 2015 года вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [2]. Оценка качества социального обслуживания населения осуществляется через создание и внедрение стандартов, нормативов и норм социального обслуживания населения, а также путем создания независимой системы оценки качества работы государственных учреждений и внедрения критериев оценки эффективности деятельности государственных учреждений, руководителей и специалистов. Система оценки качества социального обслуживания осуществляется в настоящее время в условиях изменения, как и сама система социального обслуживания населения. Приоритетом становится повышение качества предоставляемых социальных услуг.

Обобщенное представление о качестве услуги позволяет остановиться на определении «качества» как соответствия идеального образа услуги, удовлетворяющего все стороны, и реального воплощения этой услуги. Идеальный образ качественной услуги подразумевает связанные между собой процесс, результат, сопоставимость цели и результата (результативность), достижение цели с наименьшими затратами (эффективность). Таким образом, качество вбирает в себя массу факторов и аспектов, находящихся между собой в тесной связке, но при этом требующих особых разновидностей методологии и методики подсчета [5, с. 33].

Национальный стандарт ГОСТ Р 52495-2005 «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» определяет качество социальной услуги как совокупность свойств социальной услуги, определяющая ее возможность и способность удовлетворить потребности клиента социальной службы и осуществить его социальную реабилитацию или социальную адаптацию [6].

Система социальных служб в Республике Хакасия представлена 24 государственными бюджетными учреждениями социального обслуживания стационарного и полустационарного типа, которые находятся в ведении Министерства труда и социального развития Республики Хакасия. В республике функционируют 13 нестацио-

нарных учреждений (управления социальной поддержки населения, 54 %) и 11 стационарных учреждений социального обслуживания населения (46 %), в том числе 5 для инвалидов-пенсионеров (22 %), 2 для детей-инвалидов (8 %), 2 для несовершеннолетних (8 %), 1 для семьи и детей (4 %), 1 для временного пребывания граждан, оказавшихся в сложных жилищно-бытовых ситуациях (4 %).

В Республике Хакасия принят ряд нормативных документов, регламентирующих процедуру оценки качества социальных услуг: Распоряжение Главы Республики Хакасия «Об утверждении плана мероприятий по формированию независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, на 2013—2015 годы» [3]; Приказ Минтруда Республики Хакасия «Об Общественном совете при Министерстве труда и социального развития Республики Хакасия» [1]; Порядок независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в Республике Хакасия [4] и другие.

Оценка качества работы организаций проводится в целях повышения качества услуг по социальному обслуживанию населения. Алгоритм проведения оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги отражен в документе Порядок независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в Республике Хакасия. Состав Общественного совета при Министерстве труда и социального развития Республики Хакасия сформирован из 10 человек, в который вошли: член Общественной палаты Республики Хакасия — 1 человек, председатели общественных организаций — 6 человек, члены общественных организаций — 2 человека и преподаватель кафедры социальной работы ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова».

В рамках эмпирического исследования с целью выявления проблем при проведении оценки качества социальных услуг на дому пожилых людей и инвалидов было проведено анкетирование социальных работников и экспертный опрос специалистов управлений и членов Общественного совета.

Анализ законодательства в области оценки качества социального обслуживания населения, опыта регионов по оценке качества социального обслуживания, результаты анкетирования социальных работников и экспертного опроса специалистов, участвующих в оценке качества услуг, позволил выделить следующие группы проблем:

- проблемы организации оценки качества социального обслуживания (не происходит обмен опытом работы общественными

советами других учреждений социального обслуживания; сложность объяснения клиентам в силу их возраста и здоровья, почему сейчас меняется система оплаты социальных услуг; затраты финансового и человеческого характера при проведении мониторингов оценки качества социальных услуг и социологических опросов по проблеме оценки качества);

- проблемы кадрового обеспечения оценки качества социального обслуживания пожилых людей и инвалидов (недостаточная информированность, низкий уровень компетентности персонала учреждений по проведению оценки качества социальных услуг);

- проблемы, связанные с инструментом оценки качества социального обслуживания пожилых людей и инвалидов на дому (критерии и показатели оценки качества социальных услуг определены без учета типа учреждений, направления деятельности, потребностей групп клиентов, для оценки показателей по своей значимости вводятся баллы без усредненного показателя по различным направлениям его деятельности, оценка качества (анкетирование клиентов) влияет на отношения с клиентами, неадекватно оценивается работа со стороны клиента, пытаются искать несуществующие недостатки).

Для решения выявленных в ходе эмпирического исследования проблем целесообразным представляется выполнение следующих рекомендаций: Общественному совету определить критерии и показатели оценки качества для каждой цели, подцели, направления деятельности, для каждого типа учреждения с учетом потребностей групп клиентов; проводить методические семинары для социальных работников учреждений по системе оценки качества социального обслуживания с привлечением преподавателей кафедры социальной работы ФГБОУ ВПО «Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова»; психологам Управлений социальной поддержки населения проводить семинары для социальных работников по обучению психологическим навыкам и умениям, по снятию эмоционального напряжения, по выстраиванию взаимодействия с клиентами.

В ходе исследования были выделены некоторые проблемы оценки качества социального обслуживания в регионе. Данный процесс начался относительно недавно, он отлаживается, выделенные проблемы будут решаться, могут возникать и новые, что требует постоянного исследовательского внимания. Проблема оценки качества социальных услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания населения, достаточно актуальна в настоящее время. Социальное обслуживание, являясь подсистемой социальной сферы

общества, оказывает существенное влияние на развитие личности, социальных групп и общества в целом.

Список литературы:

1. Об Общественном совете при Министерстве труда и социального развития Республики Хакасия [Текст]: приказ Минтруда Республики Хакасия от 18.11.2014 г. № 228 д // Официальный сайт Министерство труда и социального развития Республики Хакасия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://mintrudrh.ru/> (дата обращения 12. 12. 2014).
2. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации [Текст]: федер. Закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ // Рос. Газета. — 2013. — 30 декабря. — С. 1—26.
3. Об утверждении плана мероприятий по формированию независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, на 2013—2015 годы [Текст]: распоряжение Главы РХ — Председателя Правительства РХ от 25.06.2013 № 100-рп // Официальный сайт Министерство труда и социального развития Республики Хакасия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://mintrudrh.ru/> (дата обращения 02.02.2015).
4. Порядок независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в Республике Хакасия [Текст]: решение Общественного совета при Министерстве труда и социального развития Республики Хакасия от 25.02.2015 г. // Официальный сайт Министерство труда и социального развития Республики Хакасия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://mintrudrh.ru/> (дата обращения 02.02.2015).
5. Романычев И.С., Топчий Л.В. Социальная квалиметрия, оценка качества и стандартизация социальных услуг: учебник / И.С. Романычев, Л.В. Топчий и др. — М.: ИТК «Дашков и К»,-2013. — 184 с.
6. Социальное обслуживания населения. Термины и определения [Текст]: ГОСТ Р 52495-2005 / ГОСТ Р 52495-2005 — 2005. — Введ. 2005-12-30. // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/12153427/> (дата обращения 26.12.2014).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ МОНИТОРИНГА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИМИ УСЛУГАМИ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Мартынова Светлана Эдуардовна

*канд. филол. наук, доцент ТГУ,
РФ, г. Томск*

E-mail: status.sm@mail.ru

Балановский Алексей Павлович

*канд. мед. наук, гл. врач Детской больницы № 1,
РФ, г. Томск*

E-mail: ptdelfin@yandex.ru

MONITORING RESULTS INTERPRETATION OF MEDICAL SERVICES SATISFACTION IN TERMS OF MANAGERIAL DECISION MAKING

Svetlana Martynova

*candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of Tomsk State University,
Russia, Tomsk*

Alexey Balanovsky

*candidate of Medical Sciences, Senior Physician of Children's Hospital № 1,
Russia, Tomsk*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — на основе анализа данных мониторинга удовлетворенности граждан медицинскими услугами сформулировать комплексный подход к интерпретации результатов опроса, позволяющий делать корректные выводы для принятия управленческих решений. Наблюдения сделаны на материале 4-летнего мониторинга в Томской области. Выявлено, что обоснованность выводов о характере динамики повышается при учете совокупности значений, отражающих изменения как положительных, так и отрицательных оценок. Анализ

мотивов неудовлетворенности позволяет дифференцировать управленческие решения по уровням их принятия.

ABSTRACT

The aim of the article is based on monitoring data analysis of citizens' satisfaction with medical services to provide an integrated approach to the interpretation of the survey results which allows making correct conclusions for management decisions. The observations are made on the 4-year monitoring in Tomsk Region. It is revealed that the validity of the conclusions about the nature of the dynamics increases taking into account a set of values that reflect the change, both positive and negative assessments. The dissatisfaction motive analysis allows differentiating management decisions according to levels of their taking.

Ключевые слова: «сервисное» государственное и муниципальное управление; удовлетворенность; медицинские услуги; управленческие решения.

Keywords: “service” state and municipal administration; satisfaction; medical services; management decisions.

Исследования удовлетворенности услугами являются неотъемлемой компонентой «сервисной» модели управления: как публичного, в частности, государственного и муниципального, так и корпоративного. «Сервисная» модель государственного и муниципального управления подразумевает основной задачей органов управления предоставление публичных услуг для удовлетворения потребностей индивидов и обществ [2—4; 9 и др.]. Обязательный характер социологических обследований с целью выявления удовлетворенности граждан массовыми общественно значимыми услугами, предоставляемыми на местном уровне, предопределен Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и распоряжением правительства РФ от 11 сентября 2008 г. № 1313-р [6—7]. Данные исследований учитываются при принятии управленческих решений, в частности, о поощрении муниципальных образований (МО) за улучшение результатов. В этой связи встает вопрос о корректности интерпретации материалов социологических опросов. В настоящее время, как правило, в расчет берутся лишь данные динамики положительных значений удовлетворенности (ответы «удовлетворен»). Рассмотрим, насколько это обосновано, на примере мониторинга удовлетворенности населения медицинским обслуживанием.

Анализ сделан нами на основании данных социологического мониторинга 2009—2012 гг., проведенного под руководством

С.Э. Мартыновой во всех муниципальных районах и городских округах Томской области. Метод сбора данных — полуструктурированное интервью «лицом к лицу», включающее и открытые вопросы о причинах неудовлетворенности медицинскими услугами в муниципальных образованиях. Задача выявления мотивов отрицательной оценки предусмотрена в программе мониторинга исходя из тех соображений, что для повышения качества медицинской услуги в глазах населения необходимо определить не только динамику значений, но и понять, что обуславливает ее отрицательный вектор. Открытый характер вопроса позволяет выявить именно те мотивы, которые значимы для самого респондента, и вполне коррелирует с определениями удовлетворенности как соответствия результатов оказания услуги ожиданиям, с ней связанным. Такая трактовка характерна для литературы как по социальным, так и по медицинским наукам [5; 8, с. 9; 1, с. 12; 10; 11, р. 291; 13, р. 574].

Заметим, что под генеральной совокупностью в наших исследованиях подразумевается «население в целом», поскольку услуги имеют общезначимый характер, и ориентация на мнение только потребителей услуг может привести к соблазну сократить количество пользователей ради достижения более высоких отчетных результатов. Однако для того чтобы более адекватно оценить мнение о качестве муниципальной услуги, безусловно, нужно брать в расчет впечатление тех людей, которые ею воспользовались. Такую дилемму предлагается разрешить диалектическим способом: в интерпретации результатов опросов учитывать данные и в процентах к общему числу опрошенных (представителей населения в целом), и в процентах к числу пользователей услуги.

В ходе нашего мониторинга всего опрошено 43 415 чел. (таблица 1). Выборка по каждому муниципальному образованию рассчитана таким образом, чтобы погрешность полученных данных не превышала 4 %.

Таблица 1.

**Число респондентов, опрошенных в ходе мониторинга
удовлетворенности медицинским обслуживанием,
в 2009—2012 гг. (чел., МО)**

2009	2010	2011	2012
7 857 чел. в 13 муниципальных районах и городских округах	12 932 чел. в 20 муниципальных районах и городских округах	11 418 чел. в 20 муниципальных районах и городских округах	11 208 чел. в 20 муниципальных районах и городских округах

Рассмотрим результаты исследований, в первую очередь, с точки зрения динамики значений удовлетворенности, в частности, положительных (ответы «удовлетворен», таблица 2).

Таблица 2.

**Среднее положительное значение удовлетворенности
медицинскими услугами в выборке «население в целом»
в 2009—2012 гг. (в %)**

2009	2010	2011	2012
38	35,8	42,3	40,4

Из таблицы видно, что динамика положительных значений демонстрирует нелинейный характер (к тому же колебания в большинстве периодов находятся в пределах погрешности). Поэтому делать однозначный вывод на основании только положительных оценок, что, как правило, и происходит в практике принятия решений, затруднительно. Однако общий вектор изменений, отраженных в таблице 2, в периоде 4 лет гипотетически можно считать положительным, хотя позитивные изменения и выражены слабо. Проверим эту гипотезу другими значениями, выявленными в результате мониторинга. Так, возьмем во внимание число МО, в которых в 2012 г. по сравнению с 2009—2010 гг. наблюдается положительная динамика значений удовлетворенности медицинскими услугами (таблица 3).

Таблица 3.

**Динамика положительных значений удовлетворенности
населения медицинскими услугами с точки зрения числа МО
(2012 г. по сравнению с 2009—2010 гг.)**

Положительная	Отрицательная	Без изменений
10 МО	4 МО	6 МО

Как видно из таблицы, все же в большинстве МО динамика оказалась положительной, что может служить аргументом в пользу рассмотрения колебаний указанных выше средних положительных значений как изменений все же прогрессивного характера.

Однако для более корректных выводов о тенденциях изменений удовлетворенности медицинскими услугами считаем важным взять во внимание и отрицательные значения удовлетворенности — число ответов «не удовлетворен» (таблица 4).

Таблица 4.

**Среднее отрицательное значение удовлетворенности
медицинскими услугами в выборке «население в целом»
в 2009—2012 гг. (в %)**

2009	2010	2011	2012
43,6	44	35,4	39,5

Вновь наблюдается нелинейная динамика, общий вектор которой в периоде 4 лет, тем не менее, может свидетельствовать о небольшом снижении числа отрицательных оценок (однако эти изменения укладываются в предел погрешности).

Таким образом, если брать во внимание совокупность признаков: позитивная динамика средних положительных значений, негативная динамика средних отрицательных значений, позитивная динамика числа МО, где наблюдается увеличение количества положительных значений, — то можно с большей уверенностью утверждать, что удовлетворенность граждан имеет слабую тенденцию к росту. Кроме того, положительная динамика удовлетворенности медицинским обслуживанием подтверждается изменением соотношения средних позитивных и негативных оценок. Если в 2009—2010 гг. число негативных отзывов о медицинском обслуживании было больше числа позитивных (причем этот разрыв превышал предел погрешности), то в 2011 г. — 2012 гг. как минимум их число стало практически одинаковым.

Рассмотрим данные мониторинга еще в одном аспекте — динамики удовлетворенности граждан, которые пользуются изучаемыми публичными услугами (таблица 5).

Таблица 5.

**Среднее положительное значение удовлетворенности
медицинскими услугами в подвыборке «пользователи услуг»
в 2009—2012 гг. (в %)**

2009	2010	2011	2012
41,4	40,5	49,3	46

Из таблицы видно, что удовлетворенность потребителей медицинских услуг в 4-летнем периоде также немного выросла. Увеличилось и число МО, в которых в 2012 г. по сравнению

с 2009—2010 гг. наблюдается положительная динамика значений удовлетворенности потребителей медицинских услуг (таблица 6).

Таблица 6.

**Динамика положительных значений удовлетворенности
пользователей медицинских услуг с точки зрения числа МО
(2012 г. по сравнению с 2009—2010 гг.)**

Положительная	Отрицательная	Без изменений
11 МО	4 МО	5 МО

Таким образом, именно совокупность признаков позволяет утверждать, что в 2009—2012 гг. удовлетворенность и населения в целом, и пользователей услуг имела тенденцию к небольшому росту. С нашей точки зрения, этот комплексный подход как раз является достаточным основанием для вывода, позволяющего принимать управленческие решения. Несмотря на то, что вышеприведенный анализ оперирует понятием среднего значения по области, считаем возможным экстраполировать данный комплексный подход к оценке динамики и на результаты в разрезе отдельного муниципального образования.

Теперь обратим внимание на мотивы неудовлетворенности медицинскими услугами, нейтрализация которых может повысить удовлетворенность. Основные мотивы неудовлетворенности медицинскими услугами (из первых 4 позиций по МО) систематизированы с точки зрения числа МО, где эти мотивы входят в число лидирующих в 2010—2012 гг. (таблица 7). Из рассмотрения исключены мотивы, выступающие лидирующими в единичных МО, если эти данные не являются необходимыми для иллюстрации динамики по годам.

Таблица 7.

**Лидирующие мотивы неудовлетворенности медицинскими
услугами по числу МО**

Мотивы неудовлетворенности	2010	2011	2012
недостаток кадров, в частности, узких специалистов	18 МО	18 МО	17 МО
низкая компетентность специалистов, что приводит к неэффективному лечению	19 МО	19 МО	18 МО
грубость, невнимательность, безразличие персонала к пациентам, особенно к пожилым	17 МО	16 МО	14 МО
наличие больших очередей на прием к специалистам	9 МО	14 МО	15 МО

наличие платных услуг, которыми приходится пользоваться в муниципальных ЛПУ, и их высокая стоимость	5 МО	4 МО	3 МО
отсутствие ЛПУ в населенных пунктах	—	7 МО	7 МО

Стоит отметить, что по сравнению с 2009 г., когда причины неудовлетворенности были выявлены всего в 3 МО, по-прежнему на первых местах – недостаток кадров и их низкая компетентность. Третьим лидирующим мотивом остается грубое и невнимательное отношение к пациентам. В целом, динамика трех ведущих мотивов демонстрирует незначительное снижение их распространенности по МО. Напротив, набирает распространенность неудовлетворенность большими очередями на прием, отсутствием лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) в населенных пунктах.

Анализ мотивов позволяет дифференцировать управленческие решения, разрабатываемые на основе мониторинга, по уровням их принятия. Так, очевидно, что организация работы ЛПУ в населенных пунктах требует решения со стороны органов местного самоуправления, а устранение грубости и невнимательности по отношению к пациентам — вопрос управления медицинским учреждением, непосредственно оказывающим услуги. В этой связи возникает задача формирования «сервисной» корпоративной культуры в ЛПУ. Поскольку эмпатия является личностной компетенцией, связанной с внутренними установками, «привить» ее человеку проблематично. Следовательно, одним из важных шагов в формировании «сервисной» корпоративной культуры является отбор кадров, обладающих данной компетенцией. Однако, учитывая дефицит специалистов в бюджетных ЛПУ, особенно в сельской местности, такая мера может быть не реализована, а значит, причина неудовлетворенности не устранена. Но, по нашему мнению, ситуация все же не выглядит так безнадежно. Во-первых, учитывая ориентацию подчиненных на требования руководителя, кадровый отбор с учетом «сервисных» компетенций может быть осуществлен для руководящего звена (высшего и среднего), а на эти позиции более вероятен конкурс. Во-вторых, существуют методики обучения, направленные на некоторое «преобразование» личностных компетенций в деятельностные (умения и навыки), что дает возможность их формировать [12, р. 2792].

Мы затронули одну из компетенций, которая носит этический характер. Однако не менее «сервисными», поскольку они отвечают ожиданиям потребителей услуг, будут выступать и компетенции, которые коррелируют с другими лидирующими мотивами неудовлетворенности, в частности, с неэффективностью лечения. В этом случае можно говорить

не только о профессиональных компетенциях, но и о компетенции «ориентация на достижение результата», отвечающего потребностям пациента. Как представляется, две личностные компетенции (эмпатия и ориентация на достижение результата) являются одними из самых важных «сервисных» компетенций. При этом допускаем, что ожидания населения, связанные с работой разных ЛПУ, могут различаться.

В общих чертах алгоритм формирования «сервисной» корпоративной культуры в медицинском учреждении, с нашей точки зрения, выглядит следующим образом:

Этап 1. Исследование ожиданий, связанных с деятельностью данного ЛПУ, и степени готовности персонала к изменениям на основе «сервисной» модели.

Этап 2. Обсуждение в коллективе итогов исследования и принятие положений корпоративного кодекса, включающего «сервисные» установки.

Этап 3. Обучение и отбор кадров.

Этап 4. Мониторинг изменений и коррекция действий по его результатам.

Выводы:

1. При интерпретации динамики удовлетворенности медицинским обслуживанием следует брать во внимание совокупность значений (на основании данных как по выборке «население в целом», так и по подвыборке пользователей услуг): динамика средних положительных значений, динамика средних отрицательных значений; динамика числа МО, где наблюдаются изменения положительного или отрицательного характера; динамика соотношения средних позитивных и негативных оценок. Такой подход позволит более корректно квалифицировать динамику изменений удовлетворенности и более обоснованно принимать управленческие решения.

2. Анализ мотивов неудовлетворенности позволяет дифференцировать управленческие решения, разрабатываемые на основе мониторинга, по уровням их принятия — органы управления территорией / органы управления учреждением.

3. Снижение неудовлетворенности медицинским обслуживанием связано, в частности, с формированием «сервисных» компетенций персонала ЛПУ.

4. Алгоритм формирования «сервисной» корпоративной культуры подразумевает несколько этапов: исследование ожиданий граждан, связанных с деятельностью данного ЛПУ, принятие положений корпоративного кодекса, включающего «сервисные» установки, обучение и отбор кадров на основе «сервисной» модели, мониторинг изменений и коррекция действий по его результатам.

Список литературы:

1. Белостоцкая А.А. Оценка удовлетворенности потребителей образовательных услуг на основе использования моделей восприятия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2006. — 17 с.
2. Мартынова С.Э. Концепция «сервисного» государства в контексте постиндустриальной парадигмы социального управления // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 8. Социология. — С. 165—173.
3. Мартынова С.Э. Постиндустриальная социальность как основа новой парадигмы социального управления // Актуальные проблемы управления и экономики: российский и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 26—27 апреля 2013. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. — С. 66—71.
4. Маслов Д.В. Модель САФ для улучшения качества публичного менеджмента // Гос. служба. — 2009. — № 6. — С. 67—69.
5. Нелидова А.А. Формирование механизма повышения качества социальных услуг: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2008. — 22 с.
6. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: Указ Президента Рос. Федерации от 28 апр. 2008 г. № 607.
7. О реализации Указа Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 11 сент. 2008 г. № 1313-р: (ред. от 13 июля 2011 г.).
8. Петров С.В. Удовлетворенность пациентов медицинской помощью как элемент системы управления качеством медицинской помощи в военных лечебно-профилактических учреждениях: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. — СПб., 2009. — 19 с.
9. Стырин Е.М. Электронное правительство: стратегии формирования и развития: Дис. ... канд. социол. наук. — М., 2006. — 163 с.
10. Чумаков А.С. Модель непрерывного улучшения качества медицинских услуг в условиях обязательного медицинского страхования с позиций их потребителей (концептуальные и методические подходы): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. — М., 2010. — 43 с.
11. Asmu'i R.F. Applying interactive planning on leadership in the organization: the case of transforming public transport services in Banjarmasin // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2014. — Vol. 115. — P. 283—295.
12. Haq S. Ethics and leadership skills in the public service // Procedia Social and Behavioral Sciences. — 2011. — Vol. 15. — P. 2792—2796.
13. Purcărea V.L. The Assessment of perceived service quality of public health care services in Romania using the SERVQUAL scale / V.L. Purcărea, I.R. Gheorghie, C.M. Petrescu // Procedia Economics and Finance. — 2013. — Vol. 6. — P. 573—585.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АЛЬ-ФАРАБИ (ВТОРОГО УЧИТЕЛЯ)

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

*канд. филос. наук, доцент Ошского филиала КНУ им. Ж. Баласагына,
Республика Кыргызстан, г. Ош
E-mail: isakov-oshgui@mail.ru*

AESTHETIC OPINION OF (SECOND TEACHER) AL-FARABI

Kubanychbek Isakov

*candidate of Philosophy, associate professor
of Osh Branch of Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn,
Kyrgyz Republic, Osh*

АННОТАЦИЯ

В статье выявляются особенности космогонии в эстетических взглядах космологических типологий в трудах крупного представителя Восточного перипатетизма Средних веков, считавшегося «вторым учителем», аль-Фараби. Гармония в космосе, по аль-Фараби, прежде всего поиск каждого объекта, космическая гармония обусловлена естественным, удобным расположением небесных тел. Аль-Фараби, исследуя проблемы гармонии, отмечает физическое (гармония человеческого тела), музыкально-теоретическое и космологическое развитие.

ABSTRACT

The peculiarities of cosmogony in aesthetic opinions of cosmological typology in the works of the outstanding representative of Eastern

peripatetism of the Middle Ages who is considered “the second teacher” of Al-Farabi are revealed in the article. Harmony in space on the Al-Farabi, especially search of each object, due to natural cosmic harmony, a convenient location of celestial bodies. Al-Farabi, exploring the issues of harmony notes physical (the harmony of the human body), musical-theoretical and cosmological evolution.

Ключевые слова: эстетика; ракурс; Бог; космология; первоматерия; инструменталистика; метафизика; гармония.

Keywords: aesthetics; viewpoint; God; cosmology; initial matter; instrumentalistics; metaphysics; harmony.

Эстетические взгляды Абу Насраль-Фараби тесно переплетены с онтологией, со всей системой и могут рассматриваться как философская эстетика, как один из ракурсов общей системы мира и человека. Этому есть объяснение: для средневекового периода араб-мусульманской философии еще не вычленилась эстетика как обособленная отрасль науки, требующая самостоятельного наименования, подобно метафизике, математике, логике и т. д. Эстетические взгляды на происхождение Мира, Человека и Бога, на их взаиморасположение и взаимосвязь трактовались как сфера особого отношения к миру и соответственных этому переживаний.

Аль-Фараби исследует проблемы гармонии разносторонне: физически (гармония человеческого тела), музыкально-теоретически, космологически. Наиболее разработанным является его учение о музыкальной гармонии. Его он исследует в свое великом сочинении «Большая книга о музыке». Эта работа явилась результатом огромного труда и таланта, плодом всей жизни аль-Фараби. Это синтетическое и энциклопедическое произведение, охватывающее проблемы теории познания, логики, эстетики, поэзии, педагогики, математики, физики, акустики, инструменталистики. Этот титанический труд вобрал в себя все ценное, что было создано музыкальными гениями предшествующих веков.

Основная идея «Большой книги о музыке» — подчеркнуть роль чувства и эмоционального восприятия как эстетического критерия. Этот критерий сопоставлялся с физическим и математическим подходом к анализу музыкального творчества и исполнения, включая элементы музыки, принципы ее построения, музыкальную инструменталистику. При изучении этого учения была поставлена задача — выделить философско-эстетические моменты, демонстрируя

развитие, обоснование и конкретизацию мысли о чувственно воспринимаемой сущности музыкальной гармонии.

Абу Наср, по свидетельству исследователей его наследия, был прекрасным исполнителем музыки на различных инструментах (рабаб, кипчаги, най, уд) и хорошо владел искусством пения. «Его игрой восхищались и рабы, и владыки. Он создал свой музыкальный инструмент и назвал его кипчаги... Струны его кипчагихраня и тревожные голоса далекой родины, невольно рождали воспоминания о минувшем, о юности, о песнях степных красавиц у костра и о безумном танце воинов родного племени в летние лунные ночи» [1, с. 7].

Исследуя проблему инструментальной музыки, Аль-Фараби разрабатывает важнейшие эстетические категории, такие как подражание и гармония. Гармония той или иной мелодии зависит от степени созвучности и диссонанса музыкальных звуков. Исходя из этого различаются совершенные и несовершенные мелодии. Аль-Фараби доказывает взаимопронизанность мелодии и гармонии. Любая совершенная мелодия складывается из совершенных аккордов, которые, в свою очередь, подчиняются этим десяти гармониям. Тогда, пользуясь сравнением Аль-Фараби, мы получаем орнамент, в котором сочетание цветов радует глаз и приносит эстетическое наслаждение.

Музыкальное искусство связано с особыми функциями в общественной жизни: воспитательной, магической, врачебной. Музыка считалась средством, способным образовывать душу человека, подобно гимнастике, формирующей его тело. Эта традиция была развита еще в античной Греции. «Прекрасно с античной точки зрения только то, что максимально утилитарно, максимально полезно, удобно и выгодно, но что, с другой стороны, в то же самое время есть предмет любования и доставляет вполне бескорыстную радость» [6, с. 30].

Музыкальная терапия в принципе рассматривает все то, что воспринимает наш слух, независимо от того, является ли ощущение естественным или нет. Поэтому основным в изучении теории музыки Фараби признавал естественные ощущения, а неестественным оставалась вторичная роль, роль косвенного дополнения. Заниматься музыкой, основанной на диссонансе, следует только с целью воспитания правильного слуха и упражнения руки для игры на инструменте. Кроме того, чрезмерные оглушительные звуки используются, например, на поле битвы. Когда персидские цари уезжали в поход, их сопровождали ревуны, в обязанность которых входило испускать истошные крики и вопли. Вот пример звуков,

которые сами по себе дисгармоничны, но, будучи смешаны с другими и слегка изменены, могут стать гармоничными [4, с. 115].

Можно сказать и о том, что тоны второй (дисгармоничной) категории иногда используются для приумножения красоты и эмоционального влияния в создании совершенной мелодии.

В «Большой книге о музыке» аль-Фараби подробно анализирует вопрос о подражании звуков различных музыкальных инструментов человеческому голосу. Человеческий голос рассматривается им как эстетический идеал для всех музыкальных инструментов, ибо он «объединяет в себе все свойства звуков и является самым совершенным и превосходным. Тона, порождаемые всеми инструментами, имеют более низкое звучание, если сравнивать их с тонами человеческого голоса. Ничто не является таким совершенным, как человеческий голос. Он вбирает в себя все превосходные звуки. А инструменты, порождающие тоны, являются более низкой ступенью звучания, нежели человеческий голос. Поэтому музыкальные инструменты могут применяться только для усиления и обогащения звучания пения, делая его более великолепным [8, с. 114].

Категория прекрасного («хусн») находила свое решение в учении аль-Фараби в строгом соответствии с пантеизмом и содержала материалистические традиции. У Фараби «божественное опускается до уровня материального, до телесных существ или же, наоборот, материальное поднимается до уровня божественного, таковым становится и следствие. Поскольку первопричина обладала свойствами вечности, то и материя, ее следствие — становилась вечной» [7, с. 462—463].

Для Фараби материя — носитель жизни, вечности, имеющий свои объективные свойства. Отсюда и понимание прекрасного как объективного свойства предмета. Красота материального мира вытекает из самой природы вещей, и существование ее не зависит от сознания человека.

Восприятие же прекрасного всегда субъективно. «Каждый человек убежден в том, что он видит или полагает, что это является счастьем». Цель человека при этом — понять это прекрасное. Красивое в природе Фараби видит в предметах, обладающих гармоническим сочетанием, совершенством цвета и формы и т. д.

В учении аль-Фараби о прекрасном нет ничего мистического в отличие от мусульманской идеологии того времени, утверждавшей, что красоту может творить только Аллах. Аль-Фараби утверждал, что человек — сам творец своей красоты, что только «человек способен создавать прекрасное, так как он наделен способностью искать

и творить доброе. Человек всем своим существом стремится к счастью, к прекрасному в жизни и достигает счастья только тогда, когда ему присуще прекрасное и он способен к сохранению этого прекрасного» [3, с. 5].

Согласно Фараби, красота природы вызывает определенные эмоциональные чувства у людей, облагораживая их, смягчая и наполняя душу волнением, радостью или тревогой. Но красота природы прекрасна лишь только тогда, когда она познается человеком. Вне человеческого общества красота и неповторимость природы не имеют эстетического значения. В противоположность Платону, который считал, что красота существует исключительно в мире идей, что прекрасное есть не что иное, как «идея» всеобщей красоты, Фараби видел источник прекрасного в реальном мире, в природе, в человеке. Любая вещь в системе естественной гармонии содержит в себе часть универсальной красоты мира. «Великолепие, красота и украшение всякого сущего состоит в том, — писал Фараби, — чтобы осуществить свое бытие наилучшим образом и достичь своего полного совершенства» [4, с. 51].

Красота Первосущего, в рассуждениях аль-Фараби, — это некий совершеннейший идеал, лишенный какого-либо изъяна, к которому должен стремиться человек в своей земной жизни. Его совершенство связано с почитанием, восхищением, наслаждением, «для выражения которых аль-Фараби прибегает к принятому у суфиев символу любви». В Первопричине любящий есть то же, что и любимый, восхищающийся — это то же, что и предмет восхищения. «Он — Первый Любящий и Первый Возлюбленный» [5, с. 239].

Распространенной в иерархии ценностью, с точки зрения прекрасного, была суфийская трактовка видов любви — любовь человека к тому, что прекрасно само по себе, и к Богу, с кем его связывает внутренняя гармония.

Благо, Истина, Красота, излучаемые Первоединым, согласно Фараби, составляют главную сущность всего в мире. Красота — завершение всего совершенства и последняя глубина каждой вещи.

Красота существует в природе, а предметы реализованной красоты, то есть предметы искусства, создаваемые трудом и гением человека, воспроизводят качества объективной действительности. Прекрасное в природе существует вечно как первичное, а доброе и прекрасное в искусстве исходит только от человека как вторичное. На основе деления «прекрасного» на два вида, а именно «знание» и «знание и действие», аль-Фараби делит философию на два вида: «благодаря одному виду достигают познания существующих

предметов, на которые не распространяется человеческое действие». Это называется теоретической философией. Благодаря второму виду получают познание предметов, свойство которых таково, что на них распространяется действие человека. Именно в нем заключена способность совершения прекрасного. Это называется практической и гражданской философией.

В Трактате «Указание пути к счастью» аль-Фараби подразделяет философию на теоретическую (математика, физика, метафизика) и практическую (этика и политика). Прекрасное в философии Фараби выявляется как компонент, пронизывающий всю философию, цель которой постижение гармонии мира, этики, где прекрасное есть достижение предельного счастья, и политики, имеющей целью гармонизацию человеческой жизни в обществе. Философия способствует достижению счастья. В этике прекрасные действия становятся свойством человека. В политической философии люди достигают прекрасного, кроме этого, еще и способности получения и сохранения этого прекрасного.

В соответствии с разделением разума человека на теоретический и практический, аль-Фараби различал красоту познавательной способности человека и красоту его нравственного облика. Наряду с этим он усматривал различие между добродетелью как нравственным достоинством и прекрасным поступком как внешним проявлением норм морали. Прекрасное у Фараби во многом совпадает с добром, общественным благом, справедливостью. Для «Второго Учителя» разумность совпадает с добродетельностью и совершенством, с человеческой красотой, то есть интеллект и нравственность носят характер эстетических ценностей. Разум как специфическое благо составляет подлинную внутреннюю ценность человека, его внутреннюю красоту в отличие от внешней привлекательности.

Список литературы:

1. Алимжанов А. Возвращение учителя //Собрание сочинений в 3-х т. — Т. 1. — Алматы: Жазушы, 1989. — 240 с. — С. 7.
2. Аль-Фараби. Избранные трактаты. — Алматы: Гьлым, 1994. — 446 с.
3. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. — Алма-Ата: Наука, 1973. — 399 с. — С. 5.
4. Аль-Фараби. Трактаты о музыке и поэзии. Пер. с араб. — Алматы: 1993. — 452 с. — С. 14.
5. Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата: Наука, 1972. — 430 с. — С. 239.

6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. — Т. 1. — М.: Искусство, 1963. — 624 с. — С. 109.
7. Сагадеев А.В. Очеловеченный мир в философии и искусстве мусульманского средневековья //Эстетика и жизнь. — Вып. 3. — М.: 1974. — С. 462—463.
8. Хайруллаев М.М. Абу Наср Аль-Фараби//Из философского наследия народов Ближнего и Среднего Востока. — Ташкент: Фан, 1972. — 264 с.

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИБН СИНЫ

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

*канд. филос. наук, доцент
Ошского филиала КНУ им. Ж. Баласагына,
Республика Кыргызстан, г. Ош
E-mail: isakov-oshgui@mail.ru*

A PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC CONCEPT OF IBN SINA

Kubanychbek Isakov

*candidate of Philosophy, associate professor
of Osh Branch of Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn,
Kyrgyz Republic, Osh*

АННОТАЦИЯ

В статье уточнены эстетические концепции философемного характера в творчестве мыслителя Средних веков Ибн Сины, перенявшего опыт античного перипатетизма. В творчестве Ибн Сины поднимаются проблемы прекрасного в человеке в эстетическом концепции. Ибн Сина — великий гуманист, стремившийся помочь человеку постичь прекрасное, понять музыку как благородное искусство, доставляющее человеку наивысшее эмоциональное и духовное наслаждение. В этом заключена непреходящая ценность музыкальной эстетики Ибн Сины для нашего времени. Проблема прекрасного является содержанием его труда «Трактат о Любви».

ABSTRACT

Aesthetic concepts of philosophic nature in the Middle Ages speculator's oeuvre of Ibn Sina are specified who adopted the best practices of the ancient peripateticism in the article. Issues of beauty in a man are raised in the aesthetic concept in works of Ibn Sina. Ibn Sina was a great humanist who wanted to help the person understand beauty, understand music as a noble art that gives delight, highest emotional and spiritual pleasure to a person. Therein lies the intrinsic value of music aesthetic of Ibn Sina for our time. The problem of beauty is the content of his wonderful work "Treatise on the Love".

Ключевые слова: рационализм; суфизм; мутакаллим; единое; гармония; первопричина; субстанция; ритм; мера; совершенство; оазис.

Keywords: rationalism; Sufism; Mutakallim; single; harmony; original cause; substance; rhythm; measure; perfection; oasis.

Для полного понимания космологии Ибн Сины необходимо учитывать неоплатонико-суфийские истоки его философии. Учение неоплатоников о Едином и о восхождении человека к Единому, учение о мировой душе и ее разнообразных функциях, учение об Уме и божественном свете, учение о небесном и земном путях спасения легли в основу религиозно-философского содержания эстетики Ибн Сины.

В философско-эстетической концепции Абу Али Ибн Сины проблема прекрасного является содержанием его труда «Трактат о Любви». Если по основным принципам подхода к решению проблемы прекрасного, как и многих эстетических проблем своей эпохи, аль-Фараби был ближе к Гераклиту, Демокриту и Аристотелю, то в данной работе Ибн Сина трактует прекрасное на платоновский лад. В Первопричине признается существование прекрасного, что само по себе является «высшим». Ей противопоставлено прекрасное в образах, предметах и в природе, которое характеризуется как «низшее». «Высшее», то есть вечные, неподвижные и самодостаточные сущности, идеи и принципы, являются образцом для «низшего», то есть физического, телесного мира.

Прекрасное у Ибн Сины исходит от Первопричины и воспроизводится разумом. Оно вечно, абсолютно, существует независимо от происходящих явлений. Это вечно существующее прекрасное есть первичная истина. Подобное встречается у Платона в диалоге «Пир». Главное место отводится самой общей, абсолютной красоте, которая самодостаточна, имеет основание в самой себе. Она не требует ничего

другого в пояснении, поскольку все существующее в мире земном определено ею. «Эта идея всегда одна, бессмертна, не рождается и не погибает, ни роста ей нет, ни оскудения. Это чистая красота, истинное совершенство» [7, с. 118].

Однако в отличие от Платона, который отказался от красоты реальной действительности, Ибн Сина, вслед за аль-Фараби, с восхищением говорит о красоте объективно существующих предметов, вещей, человека. Красота реальных для Ибн Сины не является просто тенью, отблеском неизменной красоты Первопричины. Для него объективно существующая субстанция — материя — носитель жизни, хотя наивысшей красотой обладает все-таки Творец. Красота как возвышающий и облагораживающий фактор присуща каждому существу, но не в зависимости от положения в космической иерархии Творца, а от объективно-эстетического качества каждого.

Прекрасное в человеке в эстетическом концепции Ибн Сины тесно связано с проблемой любви. Мыслитель считал, что любовь присуща всем явлениям действительности, она «пребывает» в каждом индивиде. Она есть в любой индивидуальной сущности, в неживых субстанциях, в божественных сущностях. Любовь как эстетическая и философская категория у Ибн Сины мыслится одушевленным началом, внутренней целью всех живых существ. Это явление всеобщее, богатое и разнообразное по содержанию. «Бытие каждого предмета, управляемого высшим принципом, определяется врожденной любовью» [4, с. 21]. Это объясняется тем, что ни одна индивидуальная субстанция не достаточна для существования совершенства сама по себе, хотя не лишена присущего только ей совершенства.

Человек в эстетической концепции Ибн Сины выступает лучшим и прекрасным видом в его божественной иерархии, поскольку он способен созерцать умопостигаемые предметы, стремится к возвышенному, обладает разумной силой, двигающей его к совершенству. Хотя Ибн Сина не выходит за рамки религиозно-идеалистических взглядов, но надо отдать должное тому, что его человек более всего достоин получения того, что «скрыто в плоде сердца и составляющее чистоту любви» [8, с. 177]. Человек сам творит красоту с позиций разума, и в то же время является олицетворением прекрасного в божественной иерархии Ибн Сины.

Проблема прекрасного является у Ибн Сины основной эстетической категорией. Она включает в себя виды проявления таких категорий, как «гармония», «совершенство», «ритм», «мера». Наиболее интересным представляется вопрос о прекрасном в музыкальной эстетической теории Ибн Сины. Оно имеет у ученого философские,

психологические, социально-этические и эстетические обоснования. Среди источников философского и психологического обоснования данной проблемы следует прежде всего назвать его сочинение «Трактат о любви».

Проблема прекрасного в музыке у Ибн Сины созвучна с идеями аль-Фараби, изложенными в «Большой книге о музыке» и в других трактатах. Отмечая два основных начала в исследовании о музыке: физическое и числовое, Ибн Сина отдает предпочтение первому. Этим могут быть объяснены и степень звука, и его долготы, и его краткость, что сближает его с аль-Фараби. Ибн Сина близок к аль-Фараби многими своими философскими взглядами и особенно методом научного исследования, эмпирическим подходом к действительности. Этим методом Ибн Сина пользуется при разработке своей музыкальной концепции. Вот что он говорит во введении к «Своду наук о музыке»: «Это введение включает в себя суждения, выработанные разумом на основе опыта, и законы, построенные на безошибочном наблюдении и подкрепленные философскими доводами и научными положениями» [5, с. 278—279].

Музыка у Ибн Сины представляет собой такой же предмет любви, поскольку считалась совершенным и прекрасным явлением, обладающим качествами (гармоничностью и соразмерностью), и он относил ее к разряду красивых образов вообще. «Как разум, так и животная душа... всегда любят то, что стройно, гармонично и соразмерно как, например, гармоничные звуки» [9, с. 58]. Гармоничность в музыке, как некая абстрактная категория, включала в себя ряд конкретных проявлений на различных уровнях музыкального произведения, которые диктовались эстетическими потребностями музыкальной практики. Ее ни в коем случае не следует отождествлять только с соотношением двух тонов — интервалом. Пожалуй, интервал — это начальный уровень гармоничности музыкального произведения. Не всякое сочетание двух тонов по высоте может считаться гармоничным, а лишь то, что доставляет человеку удовольствие. При этом гармоничность и соразмерность двух тонов адекватно передается музыкальным термином «консонанс» (у Ибн Сины — иттифак).

Музыке как науке посвящены следующие трактаты Ибн Сины: «Свод наук о музыке» (Джавамиилм аль-мусики), который, в свою очередь, является частью многотомного энциклопедического сочинения «Книга исцеления» (Китабаш-шифа), раздел о музыке из «Книги спасения» (Китаб ан-наджат) и раздел о музыкальной науке из «Книги знания» (Донишнома). По мнению специалистов, «Свод наук о музыке» Ибн Сины — раздел его энциклопедического труда

«Китабаш-шифа» – возник под непосредственным влиянием «Большой книги о музыке» Фараби. В ту пору восточная наука о музыке настолько превышала европейскую, что, по образному выражению современного английского исследователя Фармера, трактаты о музыке Фараби и Ибн Сины казались «оазисами в пустыне» [2, с. 31].

Гармоничность целого музыкального произведения понимается Ибн Синой в связи с его художественно-эстетической ценностью. «Звук бывает для души приятным или неприятным и в другом отношении: либо с точки зрения создаваемого им настроения, либо с точки зрения композиции. Вызываемое же тем и другим наслаждение или отвращение свойственно различающейся силе животной души, но не чувству слуха как таковому» [1, с. 243]. Это — мысль о единстве содержания и формы как об одном из важных факторов эмоционального воздействия музыки на слушателя. Гармоничность и совершенство, а следовательно, и красота музыки, заключается в соответствии с эстетическими запросами слушателя.

В учении о сочинении мелодии наряду с обобщающими теоретическими положениями содержатся чисто практические нормативного характера рекомендации по созданию совершенных мелодий. Здесь Ибн Сина рассматривает мелизматические украшения мелодии (тар'ид, таркиб, тавсил и др.), которые, как известно, составляют одну из ярких эстетических черт в музыке народов Востока.

Мыслитель утверждает жизненные, добрые, этические свойства музыки, подчиняет ее служению человеку, формируя его интеллектуальный и нравственный облик. Здесь Ибн Сина предстает как великий гуманист, стремившийся помочь человеку постичь прекрасное, понять музыку как благородное искусство, доставляющее человеку наивысшее эмоциональное и духовное наслаждение. В этом заключена непреходящая ценность музыкальной эстетики Ибн Сины для нашего времени.

Список литературы:

1. Авиценна. Канон врачебной науки. — Т. 1. — Ташкент: Фан, 1954. — 539 с. — С. 243.
2. Бурабаев М.С. Философия искусства Абу Наср Аль-Фараби //Трактаты о музыке и поэзии. — Алматы: Гьлым, 1993. — 456 с.
3. Ибн Сина и средневековая философия. — Душанбе: Дониш, 1981. — 551 с. — С. 110.
4. Ибн Сина. Трактат о любви //Философия любви. — Ч. 2. — М., 1990. — 605 с.

5. Музыкальная эстетика стран Востока. — М.: Музыка, — 413 с. 1967. — С. 278—279.
6. Нуцубидзе Ш.И. Руставели и Восточный ренессанс. — Тбилиси: Литература дахелов неба, 1967. — 390 с.
7. Платон. Сочинения в 3-х т. — Т. 2. — М., 1970. — 610 с.
8. Сагадеев А.В. Ибн Сина (Авиценна). Мыслители прошлого. — М.: Мысль, 1982. — 222 с.
9. Серебряков Б.С. Трактат Ибн Сины о любви. — Тбилиси: Мецниереба, 1976. — 203 с.

РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XX ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ КЕНОСИСА

Рожковский Виталий Борисович

*доцент, д-р филос. наук, профессор
Ростовского юридического института МВД России,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru*

DEVELOPMENT OF RELIGIOUS THOUGHT IN WESTERN EUROPE IN THE XX CENTURY WITHIN THE CONTEXT OF CHRISTIAN IDEA OF KENOSIS

Vitaly Rozhkovsky

*associate professor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
of Rostov Law Institute of Russian Interior Ministry,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные тенденции и особенности трансформации философской и богословской мысли в Западной Европе в XX веке в контексте христианской идеи кеносиса. На основе анализа взглядов М. Хайдеггера и представителей «теологии смерти» показывается, что одновременно с идеей возврата исторического

христианства к его истокам в западной религиозной мысли реанимируется значение «кенотического мышления» и связанных с ним понятий-экзистенциалов. Вместе с тем, западная христианская мысль сталкивается с проблемой адекватности нового понимания духовно-экзистенциального опыта человека традиционному христианскому мировоззрению.

ABSTRACT

In the article main trends and characteristics of transformation of philosophical and theological thought in Western Europe in the XX century are analyzed in the context of the Christian idea of Kenosis. Based on analysis of M. Heidegger's views and representatives of the "death theology", it is shown that the meaning of "kenotic thinking" and connected with it existential terms is reanimated simultaneously with the idea of the return of historic Christianity to its origins in the Western religious thought. At the same time, Western Christian thought faces the problem of the adequacy of new understanding of spiritual and existential human's experience to traditional Christian worldview.

Ключевые слова: кеносис; кенотическое мышление; Крест; теология смерти Бога; безрелигиозное христианство.

Keywords: Kenosis; kenotic thinking; the Cross; theology of the death of God; irreligious Christianity.

В первой половине прошлого столетия возникает на Западе идея возврата исторического христианства к его истокам, как религии кеносиса, в которой «Креста только достаточно» (Симона Вейль). Эта идея явилась одновременно и концептом обретения *универсального* «кенотического мышления» о человеке. Согласно данному мышлению человек открывается не в каких-либо объективированных характеристиках, а в трагическом жизненном парадоксе — «агонии» Креста, как страдающая и сознающая свое страдание личность [5, с. 310] (М. де Унамуно). При этом установлением универсальности «кенотического мышления» предпосылался некий собирательный философский статус теме кеносиса Бога в отношении человека, что находило свое отражение и в философских настроениях времени.

Так, для трансформации и развития философского мировоззрения М. Хайдеггера в начале 20-х годов XX века был существенен отказ от концептуальной объективации религиозно-онтологического опыта ввиду «тайны, сокрытой в страдании, в кресте». Это стало возможным благодаря «...обращению к историчности "религиозного жизненного мира" раннего христианства» и восприятия немецким мыслителем

не допускающего онто-теологических спекуляций протестантизма М. Лютера с его заостренностью на опыте времени, слабости, страдания, смерти [4, с. 30—31]. Именно в это время у него складывается методологический подход, который затем будет развит в «Бытии и времени». Вместе с тем, в определенный период вследствие неприятия спекулятивной объективации «схоластической» теологией центрального онтологического феномена христианского жизненного опыта — Креста, или «страдающего Бога» немецкий мыслитель разорвал с «системой католицизма». Он начинает строго разводить интересующий его вопрос о бытии как «предмете» философской мысли и вопрос о Боге, определяющий христианскую теологию. Методологически М. Хайдеггер определяет для философии иное поле исследований, чем для традиционной «схоластической» теологии. При этом создаваемые им некоторые понятия-экзистенциалы (такие как «озабоченность», «тревожность», «ставшее бытие» или «осуществление», «кайрологическое время» или «мгновенность», «присутствие» и др.) в их необъективирующем онтологическом статусе *указывают* на «кенотическое» содержание духовно-религиозного опыта, на «осуществленность смысла» жизни первых христиан через многие скорби и нужды со страдающим и воскресающим Христом.

Определенным опытом осмысления идеи кеносиса Бога в отношении человека выступило еще в первой половине прошлого столетия направление «теология смерти» (Д. Бонхёффер), отвечающая секулярным тенденциям культурного и социального положения христианства. Будучи следствием трансформации и развития новых форм протестантского богословия (прежде всего диалектической теологии (К. Барт) и кенотизма XIX века), «теология смерти» Д. Бонхёффера приобрела особый, экзистенциально утяжеленный статус вопрошания в трагических событиях господства в Германии в 30—40-х годах XX века нацистов. Библейское «вопрошание Иова» трансформировалось в радикальный богословский вопрос о том, *«что делал Бог, когда горели печи Освенцима?»*. В это время сам богослов выступил как активный борец антинацистского сопротивления и мученик, казненный в концлагере за свои убеждения.

Признание абсолютного сущностного различия между Богом и миром, свойственное западноевропейскому богословскому апофатизму мысли (так, у К. Барта оно выступает в форме убеждения в абсолютной «инаковости Бога»), преобразуется у Д. Бонхёффера в понимание конструктивности *«обезбоженности мира»*: сущственным становится распознавание призыва к «жизни соучастия в бессилии Бога в мире» [2]. При этом вытеснение Бога из «ставшего

совершеннолетним мира» истолковывается им, исходя из «позволения» Самого Творца как «единственного способа, благодаря которому Он может оставаться с нами и помогать нам» [3, с. 201]. По Д. Бонхёфферу, происходит «новое творение образа Божия через Распятого» в *мученичестве*, в «каждодневных смертных страданиях», на которые обрекается жизнь христиан, новое осознание того, что «тот, кто посягает теперь на самого ничтожного человека, посягает на Самого Христа, Который принял человеческий образ» [7, s. 301—302]. Тем самым происходит «повзросление мира». «Повзросление мира» — в осознании человеком большей свободы и ответственности, которые ему оставляет Бог. Новое содержание свободы и ответственности не может быть адекватно выражено средствами прежней «естественной» теологии. Последняя в лице так называемых «немецких христиан» соединяла с христианством будто бы «естественные» формы социальности и государственности, одобряя порядок «Нации, Расы и Вождя», но размывая тем самым доверие Церкви как, прежде всего, жизни в Боге. Большая свобода и ответственность человека отвечают, по Д. Бонхёфферу, призыву к «погруженности в мирскую жизнь», но не для отказа от религиозной веры, а для нового опыта «глубокой посюсторонности» христианства, его *человечности* в реализации социальной жизни. В этом смысле «быть христианином — значит быть человеком» [2]. Активная «мирская» социальная жизнь основана на христианской *морали действия* как «существования для другого» и насыщается случающимся сознанием каждого человека своей индивидуальной беспомощности, которое выступает одновременно и непосредственной предпосылкой жизни в Боге.

Оценивая взгляды немецкого богослова исходя из их внутренних мотивов, нельзя не увидеть в них определенной цельности и религиозной искренности. В этом смысле уместно суждение, что «интерпретация Бонхёффера — не апология секуляризма, но утверждение изнутри меняющегося мира «сверхприродного» характера христианства» [1]. Однако принадлежащая немецкому богослову установка на «безрелигиозное христианство», будучи следствием попытки исключить неадекватные экзистенциальному событию жизни во Христе формы объективации христианства, в том числе и само понятие «религия» как «способ сакрального опредмечивания», свойственный язычеству, все же оказывается более неоднозначной, чем задумывается им самим.

Несмотря на признание «абсолютной инаковости» Бога, Д. Бонхёффер пытается найти способ выражения целостного события веры как следствия онтологического акта обращенности «в бессилии» Бога. Именно здесь, в центральном поле его мысли просвечивает

содержание идеи кеносиса. Кеносис как «бессильный» способ бытия Бога для мира и человека, и есть то пространство и основание «нужности человека», несмотря на все его исторические духовно-нравственные падения и неадекватную вере «религиозность», поскольку в активной социальной жизни человек, по мысли Д. Бонхёффера, неизбежно «соучаствует» в страданиях Бога, то есть в Его кенотическом уничтожении. Однако в данном контексте все же не преодолевается разрыв между опытом индивидуальной «беспомощности» человека и вырастающим из него положительным опытом, по выражению немецкого богослова, *ощущения себя «в руке Божией»*.

На пути, намеченном Д. Бонхёффером, обнаруживается, начиная с 60-х годов XX века новое течение западной религиозной мысли — так называемое «безрелигиозное христианство», формирующееся на базе концепции «смерти Бога» как преддверия «культуры постхристианской эры» (Г. Вагания). Однако она оказывается довольно неоднозначной у разных представителей данного течения вследствие смещения некоей констатации онтологического «ухода» Бога и нарушения культурно-исторической трансляции традиционных религиозных понятий, то есть смещения определенных онтологических и герменевтических характеристик. Такое смещение в дальнейшем развитии концепции «смерти Бога» провоцирует все более облегченные интерпретации духовно-религиозного опыта человека и общества, чем, по-видимому, изначально задумывалось протестантскими богословами XX столетия в проекте обновления веры. Понимаемое в качестве центрального события христианской веры «распятие Христа» интерпретируется как *самоуничтожение* Божества в его предвечной форме и постепенное *растворение* трансцендентного и сакрального в обыденном и мирском, предполагающее «обезличивание» Божества в истории мира (Т. Альтицер). «Бог больше не трансцендентный дух и не Господь Вседержитель» [6, р. 67], — утверждает Т. Альтицер, — отныне (по его мысли) Он есть только некоторая функциональность Любви. Кенотическое «самоуничтожение» и «растворение», о которых говорит Т. Альтицер, оказываются в конечном счете вполне соотносимы с «рассеиванием» трансцендентного вообще в философском постмодернизме Ж. Бодрийера. В тенденциях данного течения западной мысли Бог выступает не в качестве «объекта», а лишь как идеал или ориентир бескорыстности, сострадания и самоотверженности во внутреннем духовном опыте индивида (Д. Капитт). Или же некоторая доминанта в социальном «отношении» и «общении» человека, поскольку человеческая личность в своем индивидуальном опыте пребывает еще в «рассеянном» состоянии (С. Митчелл).

И в конечном счете Бог может определяться в качестве порождения человеческого опыта (Э. Фриман).

Кенотическая проблематика играла в теологии «смерти Бога» важнейшую роль, определяясь религиозно-культурным опытом западно-христианского мира. Трансформация антропологических представлений в богословско-философских учениях конца XIX—XX столетия, сопряженная с фиксацией «смерти Бога», была вызвана развитием протестантского представления о кенотическом «изменении» в той или иной форме в Боге или приравненном к Нему миру «чистой» рациональности. Негативистские характеристики человеческого бытия выступили следствием не только изменения интерпретации в новом историческом контексте, но и соблазна мыслить содержание кеносиса Бога в отношении человека как исторически происходящее онтологическое изменение в Самом Боге. Здесь Бог, или мир «чистой» рациональности («развивающийся Абсолют»), постепенно уступает творческое, культурное, историческое пространство человеку, или «превращается» в человека, который, тем самым, оказывается перед угрозой утери полноценной перспективы духовного опыта. XX век обнаружил нарастание противоречия в тенденциях западноевропейской религиозной (как богословской, так и философской) мысли между стремлением выявить и актуализировать всецело «человеческое» (в индивидуальном и социальном выражении) содержание христианства и удержать пространство мысли, вдохновленной христианским Откровением. Последнее можно было наблюдать в развитии протестантского модернистского богословия.

Список литературы:

1. Барабанов Е.В. О письмах из тюрьмы Дитриха Бонхёффера [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: // <http://www.gumer.info/bogoslov-Buks/bogoslov/bonheff/01.php> (дата обращения: 20.10.15).
2. Бонхёффер Д. Соппротивление и покорность [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: // <http://www.gumer.info/bogoslov-Buks/bogoslov/bonheff/02-13.php> (дата обращения: 20.10.15).
3. Исаев С.А. Теология смерти. Очерки протестантского модернизма. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
4. Коначева С. Бытие. Священное. Бог. Хайдеггер и философская теология XX века. М.: РГГУ, 2010. — 352 с.
5. Унамуно М. Де. О трагическом чувстве жизни. Киев: Символ, 1996. — 470 с.
6. Altizer T., Hamilton D. Radical Theology and the Death of God. L., 1968.
7. Bonhoeffer Dietrich. Nachfolge. Gütersloh, 2002.
8. Weil Simone. Lettre a un religieux. Paris, 1974.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА С КОНФЕССИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В ЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ

Ламанская Нина Борисовна

*доцент, канд. ист. наук, ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный
университет им. Н.Ф. Катанова»,*

РФ, г. Абакан

E-mail: Nina-van@mail.ru

THE STATE'S RELATIONSHIP WITH FAITH-BASED ORGANIZATIONS IN ENISEYSK REGION

Nina Lamanskaya

*candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of Folk Art Institute of Arts KSU them N.F. Katanov,*

Russia, Abakan

АННОТАЦИЯ

В статье показано отношение государства к крупным организациям старообрядства и старых форм русского сектантства — хлыстов, молокан и др., к приверженцам самых различных вероисповеданий: православным, старообрядцам, католикам, лютеранам, иудаистам, баптистам и прочим. Исследование выполнено на материале Енисейского региона.

ABSTRACT

The article shows the relationship of the State to large organizations staroobradstva and the old Russian form of sectarianism — whips,

molokans, etc., to the followers of the various religions: Orthodox, old believers, Catholic, Lutheran, judaistam, Baptists, and other things. A study performed on the material of the Yenisei region.

Ключевые слова: церковь; сектантство; конфессии; атеистическая работа; религиозность; идеология; политика советского государства.

Keywords: Church; sectarianism; religious; atheis; religious; ideology; the policies of the Soviet State.

Енисейская губерния, на территории которой ныне расположен Красноярский край, в дореволюционном прошлом была одной из частей Сибири, где успешно осуществлялась миссионерская деятельность Русской Православной Церкви. В частности, это выразилось в опережающем темпе строительства церквей, по сравнению со строительством школ. Только с 1909 по 1914 гг. в переселенческих селах губернии на одну открытую школу приходилась восемь церквей. Всего на бывшей территории Красноярского края до революции действовало 404 церкви, 178 часовен и 5 монастырей [5, с. 116].

В 1911 г. в Красноярске было учреждено «Православное противосектантское братство молитвы и трезвости во имя Святых Апостолов Петра и Павла» с целью противодействия сектантству и порокам пьянства и табакокурения. Действовали противосектантские миссионерские курсы, организованные в 1914 г. в Красноярске. Сотни миссионеров проводили местные миссионерские съезды с торжественными богослужениями, крестными ходами, религиозно-общественными праздниками [4, с. 492].

В Хакасии среди священнослужителей довольно колоритной фигурой был выходец из казачьей станицы Таштып протоиерей Владимир Иванович Кузьмин, закончивший в 1904 г. Красноярскую духовную семинарию. В соответствии с предписаниями Енисейской консистории священник в инородческом церковном приходе обязывался прослужить не менее десяти лет, в течение первых трех изучить местное наречие, верования и обычаи жителей прихода. Следуя этим наставлениям, В. Кузьмин изучал местное наречие — сагайский диалект и шаманские верования хакасов [2, с. 4].

Изучая его дневники, можно заметить, как, проезжая из одной деревни в другую, он вел апологетические и полемические беседы.

Оппонировали В. Кузьмину пресвитер баптистов Зеленский и Корогозов. Возражения сводились к тому, что Бога нельзя уподоблять золоту или серебру, и в писании нет повеления читать

крестом. Их положения (о почитании креста) сводились к следующему: 1) крест есть орудие нашего спасения; 2) на нем явилась правда Божия; 3) благословенно древо, через которое была правда; 4) крест есть жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии; 5) Апостол Павел хвалился крестом господа Нашего Иисуса Христа. Баптисты оспаривали, что крест есть Христов жертвенник, но весьма слабо [7, с. 42].

В. Кузьмин считал, что положение Абаканской миссии плачевно, она не имеет миссионеров, владеющих инородческим языком. Он предложил целый план мероприятий по улучшению миссионерской деятельности: открытие в Аскизе миссионерской семинарии, подготовку кандидатов для поступления в духовные семинарии, постройку новых молитвенных домов, учреждения штата катехизаторов.

Исторически Сибирь стала местом средоточия крупных организаций старообрядства и старых форм русского сектантства — хлыстов, молокан и др. В Енисейской губернии поселились приверженцы самых различных вероисповеданий: православные, старообрядцы, католики, лютеране, иудаисты, баптисты и прочие.

Например, в деревне Комаркова Минусинского уезда в 1915 г. прихожанами местной церкви были бывшие жители Курской, Тамбовской, Киевской, Полтавской, Черниговской и других губерний России. На территории этого прихода проживало 256 старообрядцев, 23 баптиста, 18 приверженцев иудаизма [11, с. 157]. Местное население Енисейской губернии лишь формально приняло христианство. На Крайнем Севере и юге губернии среди эвенков, соха, долган, нгасан, якутов, хакасов и других малых народностей продолжали господствовать анимистические, шаманские верования, языческие культы.

На территории Енисейского района были обнаружены таежные скиты старообрядцев-пустынников. По словам журналиста А. Шамаро, изучавшего документы об одном из таких скитов на реке Дубчес, малейшая забота о чистоте тела считалась там «большим грехом, сатанинским соблазном. Избы внутри были траурно-черными от копоти и грязи... В пустынных кишлах несметное скопище насекомых... Когда вши совсем заедали инока, он осмеливался снять с себя холщовую, ни разу не стиранную рубаху и потрясти ее над костром. Насекомые сгорали над огнем [12, с. 29].

После совершения Великой Октябрьской социалистической революции в стране утвердился курс на атеизацию общества. Идеология и политика советского государства по отношению к религии и церкви базировались на известном марксистско-ленинском положении, суть которого заключалась в утверждении, что только

ликвидация условий, порождающих религиозные предрассудки, может обеспечить освобождение народных масс от религии [9, с. 415]. Уже в первые годы Советской власти ленинским декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» была уничтожена классовая база господства духовенства.

Ленинский декрет воспринимался по-разному. Прежде всего, он вызвал открытое недовольство и противодействие духовенства. Вплоть до начала 20-х гг. почти все религиозные организации страны выступили против курса на социализм и поддержали силы контрреволюции. На первое место в антирелигиозной пропаганде выдвинулось разоблачение враждебной позиции церкви и сект. Она приобрела политическую окраску.

В Сибири в Енисейской губернии революционерам пришлось бороться не только с церковной контрреволюцией, но и с сектантской оппозицией, поскольку сектанты провозгласили себя подлинными защитниками народа. Взаимоотношения государства с религиозной организацией складывались непросто. Изменилась тактика борьбы с религией, была сделана попытка отойти от репрессивных методов, но курс на искоренение религиозности продолжался.

В принятом ЦК РКП(б) постановлении «О постановке антирелигиозной пропаганды и о нарушении пункта 13 Программы» (1921 г.) [10, с. 502—503] было определено главное направление в атеистической работе: не выпячивать ее на первое место, согласовывать политику в данном вопросе со всей экономической политикой, сущность которой состояла в восстановлении действительного соглашения между пролетариатом и мелкобуржуазными массами крестьянства, не освободившимися от религиозных предрассудков.

Губернская партийная организация в духе постановления вела разъяснительную работу среди населения, организовав для этого кружки, партийно-советские школы, где около 30 % учебного времени отводилось обучению слушателей методам пропаганды атеизма [8, с. 143]. В борьбе с религией использовалась газета «Красноярский рабочий». В конце 1920 г. на страницах газеты была введена рубрика «Церковь и религия».

Откликом на такое обращение стало активное участие сотен людей в деятельности местных ячеек Союза воинствующих безбожников. В Енисейской губернии число ячеек этого общества быстро росло. К началу апреля 1925 г. в Красноярске их было 26. Они объединяли 926 пропагандистов атеизма, которые проводили

беседы, лекции, экскурсии в музеи антирелигиозного плаката, созданного в городе [1, с. 26].

История показала, что в годы, предшествовавшие коллективизации, религиозность в народе не только не исчезла, но и возросла, в основном за счет пополнения религиозных сект. Баптистов в Сибири стало втрое больше: если в 1917 г. их насчитывалось 5 тысяч, то в 1929 г. — 15462. Рост наблюдался и в Енисейской губернии, особенно на юге в Минусинском уезде и Хакасии [3, с. 743—745].

Одной из причин такого явления, помимо упомянутых, было умелое использование сектантами права свободы совести в целях религиозной агитации. Другая же причина заключалась в насильственном закрытии церквей и переходе православных в различные секты. В Хакасии на 1 апреля 1937 г. действовали следующие религиозные общины: евангельские христиане — 35 человек; баптисты — 98 человек; секта старообрядцев в Матурском сельсовете Таштыпского района; нелегальная секта хлыстов в Ширинском и Аскизском районах. Она целиком состояла из коренного населения — хакасов.

Действовали также субботники и молокане в селе Иудино (ныне Бондарево) Бейского района. Здесь было 17 православных церквей в 1936 году, а на 1 апреля 1937 г. уже — 8. Все они к этому времени бездействовали, хотя официально Советская власть их не закрывала. Служба в них не велась из-за отсутствия церковнослужителей. Это — следствие массовых репрессий, обрушившихся на «врагов народа», в том числе служителей культов.

В стране «изгонялась вера» путем физического устранения людей. Уничтожены были многие тысячи верующих. Проводился террор, развязанный большевистским партийно-советским режимом в отношении священнослужителей и верующих всех конфессий. Террор унес из жизни многих служителей традиционного верования хакасов — шаманизма.

Естественно, в ходе и после такого террора в массе народа появились страх и опасение посещать храмы и моленные дома. Многие церковные приходы перед Великой Отечественной войной прекратили свое существование из-за отсутствия прихожан. Атеистическая литература утверждала, что, несмотря на ошибки и перегибы власти, она обеспечила дальнейшую атеизацию общества.

В период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы интерес народа к религии оживился. Из различных районов Красноярского края в Совет по делам Русской Православной церкви (РПЦ) при Совете Министров СССР поступило более сотни заявлений

с просьбой об открытии церквей. С согласия руководства партии стали вновь открываться храмы и молельные дома. В крае было открыто 20 православных церквей и молельные дома в Абакане, Красноярске, Минусинске. Официально была признана деятельность Свидетелей Иеговы в Абакане (1946 г.), христиан веры евангельской, пятидесятников.

Список литературы:

1. Боженко Л.И. Научно-атеистическая пропаганда в Сибири в восстановительный период (1921—1925 гг.): Ученые записки томского университета / Л.И. Боженко. Томск: Томское книжное издательство, — 1963. — № 47. — С. 26.
2. Гладышевский А.Н. Крутой поворот в жизни священника // Хакасия. — 2001. — № 12. — С. 4.
3. Енисейские епархиальные ведомости //Официальное издание Енисейской и Красноярской епархии. — 1909. — № 7.
4. Енисейский Энциклопедический Словарь. — Красноярск, КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998 г. — С. 492.
5. История Красноярского края. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1967. — С. 116.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Ч. 1. — С. 743—745.
7. Краткое описание прихода Енисейской епархии: Справочник/ Репринтное издание 1916 года. — Красноярск: КО РФК ХТО «Краевед», 1995. — С. 42.
8. Лукинский Ф.А. Партийное руководство научно-атеистической пропагандой в Сибири (1920—1925) // Труды Новосибирского государственного медицинского института. — Новосибирск, 1960. — С. 143.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1, Изд. 2. — С. 415.
10. О религии. Хрестоматия. — М.: Политиздат, 1963. — С. 502—503.
11. Токарев С.А. Религия в жизни народов мира. — М., 1964. — С. 157.
12. Шамаро А. На берегу черной магии // Наука и религия. — 1963. — № 1. — С. 29.

**«АНТИСТАХАНОВСКИЕ НАСТРОЕНИЯ»
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ КИРОВСКОГО КРАЯ
В 1935—1936 ГОДАХ**

Чемоданов Павел Андреевич

*аспирант кафедры Отечественной истории
Вятского Государственного Гуманитарного Университета
РФ, г. Киров
E-mail: pavelche1492@mail.ru*

**“ANTI STAKHANOVITE MOODS” AT THE ENTERPRISES
OF THE KIROV REGION IN 1935—1936**

Pavel Chemodanov

*graduate student of the History of Russia
Vyatka State University of Humanities,
Russia, Kirov*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является раскрытие феномена «антистахановских настроений» на советских предприятиях середины 1930-х годов применительно к одному региону страны — Кировскому краю. В тексте дается анализ причин и последствий данных настроений, приводятся конкретные примеры социальных конфликтов на отдельных предприятиях вокруг стахановцев и их рекордов. В конце дается общая оценка влияния межличностных отношений на развитие стахановского движения.

ABSTRACT

The aim of the article is to reveal the phenomenon of "anti Stakhanovite moods" in Soviet enterprises mid-1930s with respect to one region of the country — Kirov edge. The text analyzes the causes and onsequences of these attitudes, specific examples of social conflicts in individual enterprises around the Stakhanovite and records. At the end of an overall assessment of the impact of interpersonal relationships on the development of the Stakhanov movement.

Ключевые слова: стахановцы; производство; нормы выработки; конфликты; вредительство; администрация предприятий; идеология.

Keywords: Stakhanovite; production; production quotas; conflicts; sabotage; enterprise management; ideology.

Стахановское движение является сложным, многогранным и неоднозначным явлением советской истории. В пользу этой точки зрения можно привести немало доводов: с одной стороны — энтузиазм, рекорды, реальные успехи в освоении техники и технологии, с другой — повышение норм выработки, нарушения в производственном процессе, возникновение конфликтных ситуаций на производстве и многие другие проблемы, связанные с движением. Автор данной статьи рассмотрит одну из таких проблем — так называемые «антистахановские настроения» на примере предприятий Кировского края за обозначенный период.

Под «антистахановскими настроениями» в документах той поры и последующей историографии понималось любое недовольство успехами, методами или привилегиями стахановцев, возникавшее в среде рабочих, инженеров или работников аппарата предприятий.

В советской исторической литературе давались весьма однозначные оценки данного явления. Так, в фундаментальной «Истории советского рабочего класса» читаем: «На ряде предприятий развитию движения новаторов мешали косность и консерватизм отдельных руководителей и специалистов. Встречались *отсталые настроения* и среди рабочих, которые боялись, что высокие нормы выработки приведут к снижению заработной платы. Стахановское движение столкнулось с *открытым и скрытым саботажем* (здесь и далее во всех цитатах курсив мой — П.Ч.) со стороны враждебных элементов» [1, с. 288].

Как мы видим, среди причин «отсталых настроений» названа лишь одна — боязнь повышения норм и снижения расценок. Подтверждается ли это утверждение в источниках? Применительно к Кировскому краю наличие данной причины «антистахановских настроений» проследить можно. К примеру, стахановка Глазырина с фабрики охотничьих ружей, вернувшись с первого регионального совещания стахановцев (декабрь 1935 г.) столкнулась с неудовольствием части коллег, мнение которых выразила некая Мерзлякова, которая заявила: «Мы будем работать, как можем, и вырабатывать только установленную норму, а вы выхваляйтесь, но, *если норму пересмотрят* (естественно, в сторону повышения — П.Ч.), вот тогда смотри, *тебе попадет*» [2, л. 50].

Надо сказать, что опасения рабочих в этом смысле были не беспочвенны. Так, в отчете Кировского обкома ВКП (б) о развитии

стахановского движения за 1936 год сказано: «При помощи стахановцев установлены более высокие технические мощности имеющегося оборудования и *пересмотрены в сторону повышения старые нормы* выработки (среднее повышение норм — 30 %)» [3, л. 77]. Стоит заметить, что никаких сведений о сопутствующем повышению норм росте заработной платы в отчете не приводится.

Однако боязнь повышения норм — не единственная причина неприязни к стахановцам. Согласно документам, еще одной причиной можно выделить зависть некоторых рабочих из основной массы к стахановцам, имевшим серьезные материальные преференции, а также почет, уважение и постоянное внимание к себе, в т. ч. и в прессе. Показательный в этом смысле случай упоминается в письме прокурора Постышева в крайком партии. Как сказано в письме, в конце 1935 г. На Сарapulьском кожевенном комбинате мастер пошивочного цеха Макаров в разговоре с рабочими доказывал, что «стахановцы преследуют исключительно рваческие цели и ничего идейного в движении нет», а рабочие Субботин и Седов поддерживали его. Последний с сарказмом заявил стахановцу Армянину: «Ты же стахановец, почему носишь простую одежду? Непристойно стахановцу ходить оборванцем.... Вы же аристократы!» [4, л. 137]. Все трое, согласно документу, впоследствии были привлечены к уголовной ответственности за «саботаж стахановского движения».

Примеров такого отношения к стахановцам на предприятиях края в источниках фигурирует немало. Так, в одном из номеров газеты Комсомольское племя упоминается история стахановки с шубно-овчинного завода г. Кирова, комсомолки Марии Дудиной. Она первая на своем предприятии объявила себя стахановкой, в ответ в отношении ее коллегами по цеху была развязана настоящая травля: ее обвиняли в том, что она «премии к октябрьской добивается, шубу хочет получить» [5, с. 3].

Еще одной причиной «антистахановских настроений» можно назвать недовольство части рабочих и ИТР тем, что стахановские методы и рекорды нарушали привычный ход рабочего процесса в промышленности и на транспорте. К примеру, машинист-стахановец Кировского депо Трегубов на первом краевом совещании стахановцев говорил: «У нас есть некоторые машинисты-нытики, они не верят партии и правительству, работают только для того, чтобы заработать копейку на хлеб, не думают, что перед ними стоят требования о повышении производительности труда». Далее он приводит цитату одного из таких «машинистов-нытиков», Власова, который в личной беседе заявлял: «Ага, видишь, партия доводит до того, чтобы еще

больше аварии увеличивались» [6, л. 29]. Стоит признать, что транспорт действительно был той областью, где высокие стахановские темпы были сопряжены с наибольшими рисками.

Не только рабочие считали невыполнимыми или ненужными идеологические установки высших партийных органов относительно стахановского движения. Работники хозяйственного аппарата заводов и фабрик тоже были подвержены подобным настроениям. В ходе комсомольского рейда «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения, проходившего в Кировском крае зимой-весной 1936 г., произошел показательный разговор на эту тему между «кавалеристами» и начальником отдела заказов и сбыта завода «Ижсталь» Дегтяревым. Комсомольцы задали ему вопрос: «Как он реализует речь тов. Сталина о стахановском движении?», Дегтярев же ответил на это: «Никак не реализую, т. к. считаю, что речь товарища Сталина — это литература, а на практике, особенно в аппарате, это неприменимо» [7, л. 42].

Обрисовав причины «антистахановских настроений» на предприятиях указанного региона, переходим к последствиям этих настроений. Они, как показывают данные источников, могли быть очень разными.

Выше шла речь о том, что рабочие, ИТР и аппаратчики часто высказывали свою неприязнь к стахановцам в личных беседах. Иногда дело не ограничивалось словесными нападками и доходило до клеветы в отношении стахановцев. Так было, к примеру, на лесопункте в с. Можга, где одна из женщин-работниц стала стахановкой и была премирована, а другая после этого распустила сплетни о ее связи с начальником лесопункта. Данный факт упоминается в отчете крайкома ВКП (б) о развитии стахановского движения в лесной отрасли региона за 1936 г. Упомянутый случай характеризуется в документе как «вылазка классового крага против стахановского движения» [8, л. 15].

Однако иногда противники движения переходили от слов к конкретным действиям. Например, уже упоминаемые комсомольские бригады «Легкой кавалерии» выявили в пошивочном цеху меховой фабрики «Белка» (г. Слободской) «группу в количестве 3-х человек, возглавляемую Пашиной, дочьерью кулака, которые с целью тормоза и подрыва авторитета стахановки Караваевой ломали иголки и подсовывали железо для того, чтобы вывести швейную машину из строя и снизить ей норму выработки» [9, л. 76]. В документе сказано, что все трое были уволены с фабрики, а само дело передано в НКВД.

Выше уже упоминалось о трагических последствиях подобных слов и действий для противников движения. Иногда их просто снимали с работы, а иногда и привлекали к уголовной ответственности. Естественно, партийные и комсомольские организации, а также правоохранительные органы были в этих конфликтах на стороне стахановцев. Несмотря на это, в источниках упоминаются факты трагических последствий «антистахановских настроений» и для самих стахановцев.

Так, на лесозаводе № 1 в самом конце 1936 г. на производстве погиб стахановец. Впоследствии выяснилось, что вина за это лежит на начальнике цеха Дьяконове, который систематически не реагировал на требования стахановцев поставить ограждения. На все просьбы он отвечал: «Когда убьет кого-нибудь, тогда поставлю», а после гибели стахановца и вовсе заявил: «И пусть еще хоть десятки убьют» [10, л. 79]. Дьяконов был арестован и предан суду за «антисоветскую деятельность». Была ли эта трагедия следствием неприязни начальника цеха к стахановцам или простой халатностью, — из документов не ясно.

Еще один трагический случай, связанный со смертью стахановца, произошел в том же году на Слободской фабрике «Белка». Там, согласно источникам, был доведен до самоубийства стахановец Ф.А. Гагаринов. Он был комсомольцем, регулярно выполнял норму на 200 % и более, писал в заводскую газету, однако у него появились недоброжелатели на предприятии — комендант заводского общежития Панов и рабочий Шулепов. Дело в том, что Гагаринов со страниц заводской газеты «Меховщик» несколько раз критиковал их за «безобразное отношение к стахановцам», за что они избили его и самого же сдали в милицию. Они же инициировали разбирательство в связи с тем, что Гагаринов якобы потерял библиотечную книгу, а Панов добился выселения его из квартиры. Кроме того, дирекция перевела молодого стахановца на другой станок с понижением зарплаты.

Все это привело к тому, что комсомолец «не нашел правильного выхода из ситуации» и повесился, оставив предсмертную записку следующего содержания: «Мне не жалко, что я скончался, не жалко того, что 11 лет я кормился, учился бесплатно, но жаль того, что не отслужил я свой долг перед советской Родиной. Прощай, наш дорогой учитель Сталин! Я вас не видел никогда, но знаю, как вы относитесь к нам, детям, оставшимся без отцов и матерей в 1917 году» [11, л. 88—89]. Партком фабрики по итогам этих событий распустили, а Панов был предан суду.

Подводя итоги всего сказанного, можно сделать следующие выводы. Во-первых, противниками движения могли быть как инженеры и работники хозяйственного аппарата, так и простые рабочие. Во-вторых, у «антистахановских настроений» на предприятиях Кировского края в указанный период были разные причины, из которых основных было три: боязнь части рабочих повышения норм и снижения зарплаты, зависть к успехам стахановцев, а также нежелание менять привычный ход рабочего процесса. В-третьих, эти настроения имели широкий диапазон проявления: от словесных нападок до конкретных действий, направленных на дискредитацию стахановцев.

Самый общий вывод можно выразить утверждением: личный фактор играл большую роль в ситуации вокруг стахановского движения. От индивидуальных качеств отдельных людей в прямой зависимости находились как успехи стахановцев, так и связанные с движением проблемы.

Список литературы:

1. История советского рабочего класса. Т. 2: Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества (1921—1937 гг.). М.; 1984.
2. ГАСПИКО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 596.
3. ГАСПИКО. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 23.
4. ГАСПИКО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 627.
5. Комсомольское племя. 1935. № 162.
6. ГАСПИКО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 599.
7. ГАСПИКО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45.
8. ГАСПИКО. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 310.
9. ГАСПИКО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45.
10. ГАСПИКО. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 23.
11. ГАСПИКО. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 23.

**ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МАРТЫНОВ (1759—1809).
ТАМБОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ
ДВОРЯНСТВА (1800—1803).
ПЕРВЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬ ТАМБОВСКОГО
ДВОРЯНСКОГО УЧИЛИЩНОГО КОРПУСА**

Шестаков Максим Валерьевич

*канд. ист. наук, доцент, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Тамбовский филиал РАНХиГС,
РФ, г. Тамбов
E-mail: shestakov-mv@yandex.ru*

**DMITRY MIKHAILOVICH MARTYNOV (1759—1809).
TAMBOV PROVINCIAL MARSHAL OF NOBILITY
(1800—1803). THE FIRST TRUSTEE
OF THE TAMBOV NOBILITY COLLEGE HOUSING**

Maxim Shestakov

*candidate of Historical Sciences, associate Professor,
Russian Academy of national economy and public administration under
the President of the Russian Federation,
Tambov branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Tambov*

АННОТАЦИЯ

В статье на основе опубликованных и архивных источников впервые предпринята попытка реконструкции индивидуальной, персональной истории жизни и деятельности Тамбовского губернского предводителя дворянства Дмитрия Михайловича Мартынова, личности во многом уникальной и одновременно во многом типичной как для Российской империи, так и для Тамбовской губернии конца XVIII — начала XIX в.

ABSTRACT

In the article on the basis of published and archival sources the first attempt of reconstruction of the personal history of the life and work of the Tambov gubernia Marshal of the nobility of Dmitry Mikhailovich Martynov, personality is in many ways unique and at the same time in many

ways typical for the Russian Empire, and the Tambov province in the late XVIII — early XIX century.

Ключевые слова: Тамбовская губерния; Тамбовское дворянство; уездный предводитель дворянства Кирсановского уезда Тамбовской губернии; Тамбовский губернский предводитель дворянства; Дмитрий Михайлович Мартынов; Тамбовский дворянский училищный корпус.

Keywords: Province of Tambov; Tambov nobility; the uyezd Marshal of the nobility of Kirsanov district of the Tambov province; Tambov provincial Marshal of nobility; Dmitry Mikhailovich Martynov; Tambov nobiliary school building

Реконструкция индивидуальной, персональной истории жизни и деятельности Тамбовских губернских предводителей дворянства все еще не стала предметом отдельных исследований. В последнее десятилетие наметился интерес к изучению деятельности органов дворянской корпоративной организации в Тамбовской губернии в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. [6], к анализу возрастных, образовательных и имущественных характеристик губернских и уездных предводителей дворянства [7], к генеалогии фамилий предводителей дворянства, в частности польского происхождения [8]. Следует заметить, что автором уже была предпринята попытка реконструкции индивидуальной, персональной истории жизни и деятельности Тамбовского губернского предводителя дворянства Афанасия Григорьевича Панова [9].

В представленной статье автором была предпринята попытка реконструкции индивидуальной, персональной истории жизни и деятельности Тамбовского губернского предводителя дворянства Дмитрия Михайловича Мартынова. Выбор героя был определен несколькими обстоятельствами. Во-первых, данная тема оставалась практически не исследованной, во-вторых, судьба Дмитрия Михайловича Мартынова во многом уникальна и вместе с тем интересна, а также поучительна с точки зрения сегодняшнего дня.

Дмитрий Михайлович Мартынов родился 4 октября 1759 г. в селе Липягах Пензенского уезда в семье отставного секунд-майора Михаила Ильича Мартынова. Дворянский род Мартыновых восходил к XV в. Предок Дмитрия Михайловича выехал из Польши в Россию к Великому князю Василию Васильевичу Темному в 1460 г. и был пожалован поместьями «по Ржеву Володимерову» [4, с. 1]. От него пошли известные дворянские роды Неглиновских, Сарафановых и Кульневых. Многие представители дворянского рода Мартыновых

в XVI в. служили «с городов Зубцова и Ржева Володимерова» [4, с. 1] столбниками и воеводами, за что были пожалованы поместьями и в других городах.

Отец Дмитрия Михайловича Мартынова, Михаил Ильич, родившийся 28 октября 1719 г., 3 февраля 1737 г., т. е. в возрасте 18 лет, был определен на военную службу в лейб-гвардии Измайловский полк. Через некоторое время, 28 октября 1740 г., Михаил Ильич был произведен в капралы, а 30 апреля 1742 г. — в фурьеры, 3 февраля 1747 г. — в подпоручики, а 25 февраля того же года — в поручики с определением в Алексеевский пехотный полк Оренбургской экспедиции. Через четыре года, 25 апреля 1751 г., Императрица Елизавета Петровна за «ево оказанной к службе Нашей ревности и прилежности» [4, с. 19] произвела Михаила Ильича в капитаны с определением в Билярский драгунский полк. 23 декабря 1757 г. Михаил Ильич вышел в отставку в чине секунд-майора и поселился в селе Липягах Пензенского уезда.

Михаил Ильич Мартынов, умерший 31 марта 1788 г., за свою жизнь был женат три раза и оставил после себя многочисленное потомство. От первого брака, состоявшегося 28 сентября 1736 г. с Марией Алексеевной, в девичестве Гурьевой, умершей 8 июня 1746 г., Михаил Ильич имел дочь Марию и сына Алексея. От второго брака, состоявшегося 1 ноября 1749 г. с Анной Григорьевной, в девичестве Кривской, умершей 12 января 1770 г., имел сыновей Федора, Дмитрия, Григория и дочерей Дарью и Наталью. И, наконец, от третьего брака, состоявшегося 3 мая 1770 г. с Екатериной Ивановной, в девичестве Нелюбовой, умершей 22 февраля 1796 г., т. е. уже после смерти Михаила Ильича, имел дочь Пелагею и сыновей Соломона и Савву.

О детских годах Дмитрия Михайловича Мартынова ничего неизвестно. В 1771 г., т. е. в возрасте 12 лет, Дмитрий Михайлович был определен на военную службу вахмистром в Астраханский карабинерный полк. С 1775 г. Дмитрий Михайлович служил адъютантом Пензенского уланского корпуса, а с 1776 г. — прапорщиком Петербургского драгунского полка. В 1781 г. Дмитрий Михайлович был произведен в поручики Шлиссельбургского пехотного полка, а в 1783 г. — в капитаны Воронежского батальона. С 1784 г. Дмитрий Михайлович сразу после выхода в отставку проживал в селе Оржевка (Верхняя) Кирсановского уезда Тамбовской губернии, которое получил в качестве приданного за Елизаветой Петровной Сабуровой, брак с которой был зарегистрирован 17 сентября 1783 г.

Семья Дмитрия Михайловича и Елизаветы Петровны принадлежала к числу семей крупнопоместных дворян. В Тамбовской,

Пензенской, Владимирской, Московской и Тверской губерниях за ними состояло около 800 душ [4, с. 41]. Только за Елизаветой Петровной в 1800 г. в Тамбовской губернии «в Кирсановском уезде в селе Успенском, Оржевка тож числилось 402 души, в сельце Панике — 29 душ, в деревне Ньюевке, Сабуров поселок тож — 6 душ, в деревне Дмитриевской, Жматовка тож — 37 душ» [3, л. 1].

С получением отставки с государственной службы у Дмитрия Михайловича начался новый этап его жизни. Поселившись в селе Оржевка Кирсановского уезда, он занялся благотворительной деятельностью. Наиболее ярким, почти хрестоматийным эпизодом его благотворительной деятельности стало строительство каменной церкви в селе Оржевка. В 1789 г. Дмитрий Михайлович вместе со своим соседом отставным титулярным советником Т.И. Слепцовым [2, л. 10] построил каменную церковь во имя «Успения Божий Матери» с двумя приходами: «один во имя своего ангела Свят. Дмитрия Ростовскаго, а другой во имя ангела своего сына Николая Дмитриевича Свят. и чудотв. Николая Мир-Ликийскаго» [4, с. 37].

Благотворительная деятельность Дмитрия Михайловича Мартынова в Кирсановском уезде не могла не сказаться и на его авторитете среди уездного дворянства. 11 января 1798 г., т. е. в возрасте 39 лет, на дворянских выборах Дмитрий Михайлович был избран уездным предводителем дворянства Кирсановского уезда. Однако здесь необходимо сделать оговорку. Как утверждал председатель Тамбовской ученой комиссии А.Н. Норцов в своей работе, посвященной истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства, что «на мраморной доске Кирсановских предводителей, в зале Тамбовского дворянского собрания, показаны неверно Кирсановскими предводителями 1798—1800 гг. Алексей Степанович Рахманинов, а 1800—1803 гг. Дмитрий Михайлович: А.С. был избран в 1798 г. в губернские предводители, а на его место в уездные Д. М-ч» [4, с. 37].

Далее в своей работе А.Н. Норцов привел и письмо Тамбовского губернатора тайного советника Н.С. Лаптева от 14 января 1798 г., в котором подтверждалось проведение дворянских выборов и избрание губернским предводителем дворянства А.С. Рахманинова, «а в Кирсановские предводители Д. М-ча «на место А.С.» [4, с. 37—38]. Сведения из письма, приведенного А.Н. Норцовым, сейчас подтверждаются и рядом архивных документов. Сохранившиеся в Государственном архиве Тамбовской области (далее ГАТО) документы «о дворянском роде коллежского асессора Мартынова Дмитрия Михайловича» свидетельствуют о том, что в феврале 1800 г. Тамбовским губернским предводителем дворянства был «бригадир

и кавалер Алексей Степанович Рахманинов» [3, л. 5], а Кирсановским уездным предводителем дворянства – коллежский ассессор Дмитрий Михайлович Мартынов [3, л. 1].

Такая путаница была вызвана тем, что здание Тамбовского губернского дворянского собрания было построено в 1897 г. Однако работы по отделке внутренних помещений построенного здания, в том числе и возведению мраморных досок с фамилиями уездных предводителей дворянства, были продолжены. Таким образом, период времени от избрания Тамбовским губернским предводителем дворянства Алексея Степановича Рахманинова и Кирсановским уездным предводителем дворянства Дмитрием Михайловичем Мартыновым до переноса их фамилий на мраморные доски занял около ста лет. Информация, связанная с годами их предводительства, в архиве Тамбовского губернского дворянского собрания к тому времени могла просто не сохраниться и быть указана приблизительно.

Сведений о деятельности Дмитрия Михайловича Мартынова в должности Кирсановского уездного предводителя дворянства в источниках сохранилось крайне мало. Обнаружены лишь несколько интересных эпизодов из трехлетнего срока его пребывания в этой должности. Например, 21 декабря 1800 г., в день избрания Дмитрия Михайловича в должность Тамбовского губернского предводителя дворянства, «Кирсановское дворянство, в благодарность за его деятельность, в бытность его уездным предводителем, составило ему нечто в роде адреса, под названием аттестата» [4, с. 38]. В нем говорилось, что Дмитрий Михайлович, «проходя служение свое со всевозможным тщанием и попечением о пользе дворянской, а наипаче с величайшим рвением исполнял Высочайшую Волю Государя Императора от главного начальства относительно его должности к нему возлагаемую. За что мы с признательностью нашею остаемся ему за все то благодарными» [4, с. 38].

Более того, в письме Тамбовского губернатора действительного статского советника И.П. Бахметева на имя Дмитрия Михайловича Мартынова от 11 января 1801 г. дана некоторая характеристика деятельности Дмитрия Михайловича в должности Кирсановского уездного предводителя дворянства: «Во все продолжение служения вашего при мне сперва уездным, а потом и губернским предводителем, видел навсегда опыты вашего рвения к службе, трудолюбия и попечительности; то, изъявляя вам чрез сие признательностью мою за подъятые вами труды, не только за особое почитаю удовольствие подтвердить выбор ваш дворянством, но еще по отзыву вашему обязанностью поставляю пригласить и убеждать вас

к принятию на себя сего почтенного звания и к разделению со мною трудов. Известная мне ревность ваша к службе и попечительность о пользе общей удостоверяет меня, что вы не отречетесь для общего блага пожертвовать частью своих домашних надобностей и выгод и соответствовать желанию дворянства и приглашением того» [4, с. 39].

Для общего блага и по инициативе Дмитрия Михайловича Мартынова, а также в память подтверждения Императором Александром I «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 9 декабря 1801 г. на заседании губернского дворянского собрания дворянством Тамбовской губернии было решено «основать в Тамбове дворянский училищный корпус для детей бедных дворян» [4, с. 40]. Дмитрий Михайлович Мартынов, будучи Тамбовским губернским предводителем дворянства, стал и первым попечителем этого корпуса.

Как попечитель Тамбовского дворянского училищного корпуса Дмитрий Михайлович Мартынов контролировал сбор денежных средств на открытие корпуса. Первоначально сбор денежных средств проходил крайне плохо. Вообще, как отмечал председатель Тамбовской ученой архивной комиссии И.И. Дубасов, «платили только немногие и понемногу, так что фиктивная подписная сумма значительно превышала действительные средства тамбовского училищного корпуса» [1, с. 223].

Дмитрий Михайлович Мартынов, как Тамбовский губернский предводитель дворянства, в марте 1802 г. был вынужден обратиться к Тамбовскому дворянству в целом и уездным предводителям дворянства в частности с письмом, написанным в достаточно гневной форме: «Будучи уполномочен я Тамбовской губернии благородным дворянством в учрежденном оным дворянством училищном комитете первым попечителем и имея не усыпное попечение о лучшем установлении основывающагося в Тамбове дворянскаго училища, на заведение котораго положенной благородным дворянством суммы с вашего уезда в упоминаемый комитет доселе ничего не поступило, долгом себе поставляю напомнить Вам ... высокомонаршую волю в именном всевысочайшем Его Императорскаго Величества рескрипте, от 29 января сего года последовавшем, изображенную, которая состоит в том что Государь Император уверен, что училище сие учредится на самых лучших и совершеннейших правилах и попечении дворянства всегда будет поддержано в надлежащем благоустройстве» [4, с. 40]. Далее в письме говорилось, что «исполняя сию Высочайшую волю Вас, ..., покорнейше прошу усугубить свое старание на заведение означеннаго училища суммы, так и по добровольной

сверх того подписке денег. А между тем всю сумму, которая состоит теперь взнесенною доставить как можно поспешнее в дворянский комитет; ибо не имея оной в наличности и присланною от Вас самобеднейшаго дворянина содержать будет нечем» [4, с. 40].

Гневное письмо на имя Тамбовского дворянства и уездных предводителей дворянства, написанное Дмитрием Михайловичем Мартыновым, дало свои результаты. В течение трех месяцев нужная сумма на открытие Тамбовского дворянского училищного корпуса была собрана. Как указывает А.И. Норцов: «Всех дворянских капиталов на корпус собрано было 60 тысяч; из них Кирсановское дворянство пожертвовало 1 500, известный генерал Н.П. Архаров 2 000 руб. и т. д.» [4, с. 40].

Следует заметить, что такая значительная сумма, которая была собрана на открытие Тамбовского дворянского училищного корпуса, вызвала, особенное внимание Императора Александра I. В своем письме на имя Тамбовского губернатора тайного советника А.Л. Львова, государь написал следующее: «Усмотрев из донесения вашего подвиг Тамбовскаго дворянства на заведение училищнаго корпуса, нахожу истинное удовольствие отдать всю справедливость благонамеренным его видам и поручаю вам изъявить ему мою признательность. Относя начало этого предприятия ко дню моей коронации, дворянство избрало самый лестный мне знак своего усердия.... Чем приятнее мне сие его заключение, тем считаю я справедливее быть предупредительным к самому содержанию вашего рапорта, что сумма определенная на сие заведение, не падает на крестьян и не сделает новаго налога, но составитя единственно из избытков собственных дворянских доходов» [4, с. 40—41].

Неутомимая деятельность Дмитрия Михайловича Мартынова в должности Тамбовского губернского предводителя дворянства ознаменовалась тем, что Тамбовский дворянский училищный корпус был открыт 22 июня 1802 г. Следует заметить, что первоначально собственного здания дворянский училищный корпус не имел и размещался в доме Я.И. Беклемишева — бывшего уездного предводителя дворянства Тамбовского уезда Тамбовской губернии.

К сожалению, дальнейшая судьба Дмитрия Михайловича Мартынова, т. е. после 1803 г. — года дворянских выборов, на которых Тамбовским губернским предводителем дворянства был выбран генерал-лейтенант А.А. Боратынский, нам не известна. Известно, что Дмитрий Михайлович Мартынов умер 20 октября 1809 г. в селе Оржевка Кирсановского уезда Тамбовской губернии, где и был похоронен.

Его жена Елизавета Петровна после смерти Дмитрия Михайловича «жила почти безвыездно» [4, с. 41] в селе Оржевка и пережила супруга на двадцать два года. Умерла Елизавета Петровна в 1831 г. во время холеры, участвуя в «богомольи в Воронеже» [4, с. 41], где и была погребена.

Так же известно, что Дмитрий Михайлович Мартынов от брака с Елизаветой Петровной имел пятерых сыновей и четырех дочерей. Из пятерых сыновей Дмитрия Михайловича наиболее известны два старших сына: Николай (6 декабря 1784 г. — 19 сентября 1811 г.) [5, с. 32] и Иван (26 сентября 1785 г. — 1852 г.) [5, с. 32], которые были кавалерами Мальтийского ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Из дочерей: Анна, родившаяся 9 декабря 1786 г., 22 октября 1816 г. вышла замуж за помещика Саратовской губернии Ф.Д. Хвоцинского [4, с. 59—62]; Варвара, родившаяся 4 декабря 1789 г., 11 февраля 1816 г. вышла замуж так же за помещика Саратовской губернии Н.С. Беклемишева [4, с. 63]; Елизавета, родившаяся 4 сентября 1802 г., 6 июля 1825 г. вышла замуж за А.Т. Слепцова [4, с. 66—67].

Таким образом, в процессе своей жизни и деятельности Дмитрий Михайлович Мартынов внес весомый вклад в развитие образования Тамбовского дворянства, культуры и социальной жизни в Тамбовской губернии конца XVIII — начала XIX в. Жизнь и деятельность Тамбовского губернского предводителя дворянства Дмитрия Михайловича Мартынова, несомненно, достойна более глубокого и детального научного исследования.

Список литературы:

1. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края [Текст] / И.И. Дубасов. — Тамбов, 1993. — 443 с.
2. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 21.
3. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 685.
4. Норцов А.Н. Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства. Том. I. (с гербами, портретами и таблицами). Составил А.Н. Норцов // Известия тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XLVII (47). — Тамбов, 1904. — 604 с. разд. паг., 40 л. ил.
5. Норцов А.Н. Кирасир военного ордена Алексей Трофимович Слепцов (1786—1831). Биографический очерк и собрание всех уцелевших его сочинений (с рисунками). Собрал, составил и издал внук его А.Н. Норцов, председатель Тамбовской Ученой Архивной Комиссии, действительный член Императорского Русского Военно-Исторического Общества и других ученых обществ. — Тамбов, Типо-литография Н. Бердоносова и Ф. Пригожина, 1912. — 176 с.

6. Шестаков М.В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. (на материалах Тамбовской губернии. [Текст] / М.В. Шестаков. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Тамбов, 2006. — 365 с.
7. Шестаков М.В. Губернские и уездные предводители дворянства Тамбовской губернии в последней четверти XVIII — начале XX века [Текст] / М.В. Шестаков // Шаг в будущее: научный и практический опыт развития, научные гипотезы, новизна и апробация результатов исследований в экономике, управлении проектами, педагогике, праве, истории, культурологии, искусствоведении, языкознании, природопользовании, растениеводстве, биологии, зоологии, химии, политологии, психологии, медицине, филологии, философии, социологии, математике, технике, физике, информатике, градостроительстве, 7—8 мая 2015 года, г. Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2015. — С. 163—166.
8. Шестаков М.В. Польский элемент в среде тамбовского дворянства в конце XVIII — середине XIX века / М.В. Шестаков // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам LI междунар. науч.-практ. конф. № 7 (47). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. — С. 45—50.
9. Шестаков М.В. Тамбовский губернский предводитель дворянства Афанасий Григорьевич Панов (1785—1788). Черты к портрету / М.В. Шестаков // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам LIII междунар. науч.-практ. конф. № 9 (49). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. — С. 47—60.

4.2. АРХЕОЛОГИЯ

ПАЛЕОГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МЕТАФОРЫ СВЕТА И ТЬМЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ ЕВРАЗИИ

Окладникова Елена Алексеевна

*д-р ист. наук, профессор, Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru*

PALEOGLOBALIZATION: METAPHORS OF LIGHT AND DARKNESS IN ROCK ART OF ANCIENT EURASIA

Elena Okladnikova

*dr. ist. sciences, professor, Department of sociology, Herzen University,
Russia, St.Petersburg*

*Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда
(проект № 14-18-02785)*

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — изучение особенностей процессов, выявляющих информационную проточность ландшафтов Древней Евразии. Эти процессы — наиболее яркие свидетельства палеоглобализации, как свойства цивилизаций Древнего мира, включая и цивилизации Древней Америки. Информационная проточность ландшафтов юга Евразии, для эпохи энеолита и бронзы, осуществлявшаяся с запада на восток Евразии, нашла выражение в произведениях наскального искусства Алтая. Информационная проточность ландшафтов этого континента в древности способствовала распространению идеи палеокалендаря, передававшихся по торговым путям с Запада на Восток Древней Евразии в зооморфном коде (образами быков, декорированных окружностями — символами Солнца или Луны, обозначавшими месяцы Солнечного или Лунного календарей).

ABSTRACT

The purpose of the article is the study of the processes, identifying the Ancient Eurasia information of landscapes transparency. These processes are the most vivid evidences of paleoglobalisation how the properties of the civilizations of the Ancient world, including the civilizations of Ancient America. Information transparency through the landscapes of southern Eurasia (Eneolithic and Bronze ages), carried out from West to East Eurasia, found expression in rock art of the Altai. Information landscape's transparency of this continent in ancient times helped spread the ideas of paleoglobalization through the trade routes from the West to the East of Ancient Eurasia in zoomorphic code (images of oxen, decorated with circles — symbols of the Sun or moon, indicating the months of the Solar or Lunar calendars).

Ключевые слова: палеоглобализация; информационная проточность ландшафтов; палеокалендари; наскальное искусство.

Keywords: paleoglobalisation; landscape's information transparency; rock art.

Межкультурное взаимодействие в этот период в Древнем мире являлось результатом палеоглобализационных процессов. Вместе с торговыми караванами, перемещавшими людей (торговцы, ремесленники, рабы), ресурсы и артефакты на огромные территории континента Евразия в разных направлениях (с востока на запад, и с запада на восток) распространялись и ментефакты: системы идей, мировоззренческие парадигмы, верования, гастрономические технологи, обычаи и обрядность. Накопление археологических свидетельств (артефактов) постепенно позволило учёным выйти из мира мёртвых вещей и обломков древних цивилизаций в мир живых людей далёких эпох, их социальную и духовную жизнь, системы представлений и символических конструкторов. Свет — это одно из физических явлений, которое метафорически осмыслялось людьми гораздо раньше, чем было подвергнуто научному исследованию. Основные вехи научного исследования Света, которые нам хорошо известны, отмечены именами Пифагора (VI в до н. э.), Евклида (III в. до н. э.), Клеомед (I в. н. э.), Птолемей (130 г. н. э.) Ибн аль-Хайсам (11в), И. Ньютона (1672), О. Френеля (1815), Дж. Максвелла (1862), А. Эйнштейна (1905) и др. Этапы же метафорического осмысления Света как мировоззренческого и культового феномена мы можем наметить лишь обобщенными мазками, отметив, что одной из древнейших форм метафорического осмысления света как фило-

софской и мистической субстанции было его обожествление, что нашло выражение в культах астральных и солнечных богов в религиях Древнего мира, а также Манихействе, Зороастризме, Христианстве и т. п.

В абсолютном большинстве древних мировоззренческих и философских систем противопоставление Света и Тьмы определяло характер картины мира и являлось принципом формирования модели Вселенной. Именно этот принцип лежал в основе модели Вселенной населения Восточной и Западной Сибири эпохи Бронзы. Об этом с художественной наглядностью рассказывают памятники наскального искусства.

На археологической карте Евразии эпохи бронзы (IV—II тыс. лет до н. э.), ясно видны, по крайней мере, два обширных культурных мира: 1) лесных племен Северной Европы и племен Южной Сибири, связанных с передовыми земледельческо-скотоводческими центрами III—II тыс. до н. э.; 2) племен европейской и азиатской тундры, живших собственной независимой жизнью, связанных взаимным общением, единством образа жизни и хозяйства (рис. 1)

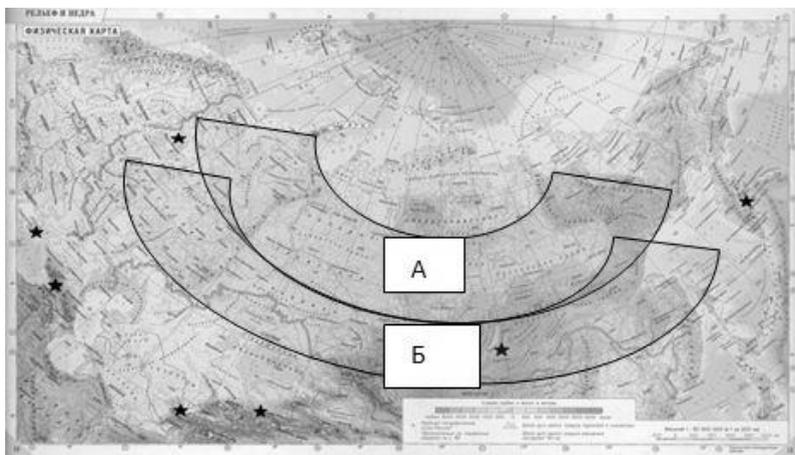

Рисунок 1. А — племена Азиатской тундры, связанные, связанные взаимным общением, единством хозяйства; Б — лесные племена, связанные с земледельческо-скотоводческими центрами Древнего мира III—II тыс. до н. э.

Для обоих культурных миров были характерны символические практики изображения противостояния концептов Света и Тьмы,

лежавших в основе как картины мира охотников тайги, так и скотоводов горно-степной местности. У охотников сибирской тайги бытовал миф о небесной златорогой небесной оленухе, олицетворявшей светлое начало и совершавшей свой бег по небосклону в образе Солнца, и её преследователя — олицетворения сил тьмы и разрушения, небесного охотника. У скотоводов юга Сибири воплощением образа света и Солнца являлся бык, а позднее, в скифскую эпоху так называемый олень-пиглица запечатленный в позе летучего галопа с закинутыми далеко на спину ветвистыми рогами. Как правило, связь названных животных (быка и оленя) с солнцем подчеркивалась символическими геометрическими изображениями в виде окружностей или систем концентрических окружностей с точкой в центре. Скифских оленей на петроглифах изображали в момент терзания, т.е. в ситуации нападения на них хищников, олицетворявших темное начало сил Вселенной. Противопоставление сил Света и Тьмы, запечатленное памятниками наскального искусства Сибири, отражало всю глубину представлений древних народов сибиряков о диалектике мироздания, о круговороте людей, вещей, событий, процессов в Природе, саму суть дуализма бытия. Свет не может существовать без Тьмы, Тьма невозможна без Света. Идея круговорота жизни нашла своё воплощение и многочисленных технологиях организации и упорядочивания жизненных процессов, основанных на наблюдениях за источниками света, наиболее значимыми и легко наблюдаемыми для древнего Человека были Солнце и Луна. Одной из таких технологий стало счисление времени.

Быки с декорированными телами. Воплощением технологий счисления времени стали выбитые изображения животных (быков), обнаруженные нами на скалах Горного Алтая (гора Калбак-Таш), а также известные по памятникам наскального искусства Монголии. Тела такого типа изображений быков были декорированы окружностями и другими геометрическими фигурами (сеткой пересекающих линий, в ячеи которых вписаны звездообразные фигуры или окружности и др.). С точки зрения астроархеологического подхода такие изображения могут интерпретироваться как символические репрезентации технологии счисления времени на основании наблюдения за Солнцем — самым ярким источником света для населения Земли во Вселенной в культурах Древней Евразии. Астроархеологи и плеокалендаристы (Маршак А., Фролов Б.А., Ларичев В.Е., Марсадоллов Л.С. и др.) выявляли и описывали с помощью археологических артефактов конкретные системы

счисления времени в древних обществах, начиная с эпохи палеолита. Если принять во внимание их точку зрения, то к изучению семантики нарисованных на скалах Алтая (например, на горе Калбак-Таш, или на скалах Монголии) быков с декорированными окружностями или сеткой пересекающихся линий, можно подходить не только с позиций уже разработанного археологами семантического и мифологического подходов (т. е. интерпретации этих изображений как жертвенных животных, божественных животных, животных, олицетворявших креативные силы мироздания), но и как олицетворения цикличности природных явлений, а именно календарного цикла. Иными словами, астроархеологический подход открыл новые перспективы к осмыслению образов быков с декорированными телами. Одной из таких перспектив стала связь такого рода изображений с практиками счисления времени. Другой — связь через практику счисления времен и (палеокалендаря) с изображением Солнцем, как наиболее значимым для физического мира источником света. Третья перспектива заключалась в том, что появление образа быка с декорированным окружностями телом в репертуаре памятников наскального искусства Запада и Юга Сибири, а также распространение этого сюжета на территорию современной Монголии ознаменовало смену эпохи энеолита эпохой бронзы на этих землях. Изображения быков с декорированными телами археологи относят к эпохе бронзы и датируют II тыс. до н. э. Эти изображения располагаются на скалах Алтая, Монголии, Хакасии, Тувы рядом с изображениями воинов и ритуалистов в грибовидных головных уборах, с посохами или луками, колесницами и лошадьми. В это время облик энеолитической культуры таёжных охотников Горного Алтая претерпел изменения под влиянием веяний с юга, а именно, культур бронзового века юго-востока и юго-запада Евразии, включая влияние Ближнего Востока, Западной Сибири и Средней Азии. Это влияние в наскальном искусстве Алтая сказалось в появлении новых сюжетов. Вместе с технологиями производящего хозяйства и скотоводством, на юг Сибири проникли идеи календаря, которые и нашли выражение в декорированных кругами телами быков горы Калбак-Таш.

Доказать идею о том, что изображения быков с декорированными телами горы Калбак-Таш несут информацию о практиках счисления времени населением бронзового века Горного Алтая, мы попытаемся

на одном примере¹, а именно: изображениях быков одного из наиболее ярких памятников наскального искусства Горного Алтая — горы Калбак-Таш (в переводе с алтайского «Ложка-Камень»).

Особенностями изображений быков в памятниках наскального искусства юга Сибири и Центральной Азии являются следующие: **принадлежность разным историческим эпохам; постепенной сменой образов диких быков домашними**; композиционное сочетание сюжетов: **бык и ритуальный предмет; синкретизмом образов**: быки имеют фантастический, мифологизированный облик. Об этом свидетельствуют: а) **сочетанием в рисунках тел быков с рогами другого вида животных, например, оленя**; б) **ассоциация образа быка с идеей «мирового дерева», декорированное орнаментом туловища быков**, т. е. на скалах изображались вотивные животные, тела которых являются метафорами палеокалендаря [5, с. 6—11]

Наибольший интерес с точки зрения нашей темы: репрезентации метафор света и тьмы в наскальном искусстве Древней Евразии представляют быки с кругами на телах. Изображения быков на горе Калбак-Таш, исполненные в «негативной технике», т. е. выбивкой сплошным силуэтом, декорированы 8-мью (рис. 2), 9-тью (рис. 3), 12-тью окружностями, а также с телами, размеченными клетками, имеют ярко выраженный декоративный характер, указывающий на их астральную и календарную символику. Астральность образов быков Калбак-Таш выражается в соединении их образов с солярно-лунарными символами.

Рисунок 2. Изображение быка с поклажей и восемью кругами на теле. Гора Калбак-Таш (Горный Алтай)

¹ Аналогичные изображения быков с телами, декорированными кругами и другими геометрическими фигурами. Известны по материалам наскального искусства Монголии.

**Рисунок 3. Бык с девятью кругами на теле. Гора Калбак-Таш
(Горный Алтай)**

Астральность образов быков Калбак-Таш выражается в соединении их образов с солярно-лунарными символами. Изображение астральной символики на телах животных, свидетельствует об их связи с «мифом о небесном, божественном». Такой бык, согласно древнеиранской и древнеиндийской мифологической традиции, ассоциирован с образом лунного божества. «Их туловища покрыты округлыми пятнами, лучевидно-звездчатыми знаками, поперечными и вертикальными полосами, перекрещивающимися на отдельных фигурах» [2, с. 51—52].

Ключи к интерпретации геометрических (круглых) форм декора тел быков дают археологические материалы зафиксированные в письменных источниках, найденных на другом конце Евразии — на Ближнем Востоке. Такими источниками стали клинописные тексты старовавилонских библиотек (библиотека Ашшурбанипала) [1]. Эти тексты VII в до н. э. письменно фиксировали информацию о достижениях научно-технического прогресса, которые накапливались тысячелетиями на территории стран Плодородного полумесяца, а затем по связывающим Евразию древнейшим путям (Нефритовому, Лазуритовому, Медному и др.) распространялись с запада на восток Евразийского континента [4, с. 145—204]. Старовавилонские астрологи вели регулярные наблюдения за Солнцем, луной и Венерой. Цель таких наблюдений: предсказания о судьбах царей, о судьбах страны в целом. Например, на стенах храмов в Уруке наносились орнаментальные композиции, центральным элементом которых был круг (рис. 7, 9), по форме аналогичный кругам на телах быков горы Калбак-Таш. Тела других священных быков декорировались розетками — астральными символами (рис. 4). Изображения быков и связанными с ними сюжетно и композиционно ритуальными предметами (священная ладья, храм и поклажа на спине) сохранилось на печатях из Урука (рис. 6). На телах и головах животных наносились

изображения солярных и лунарных символов (рис. 4, 5). Аналогичные символы помещались рядом с животными на предметах храмовой утвари (рис. 8).

Рисунок 4. Голова быка с лунарным символом на лбу. Тель аль-Убейд, 2 500 лет до н. э., III династия (Британский музей, фото автора)

Рисунок 5. Бык с декорированным круглыми розетками телом. Урук, Южный Ирак (по Л. Гофф)

Рисунок 6. Бык с поклажей на спине. «Священная барка». Оттиск печати из Варки (Урука). 3-е тыс. до н. э. Переднеазиатский музей. Берлин

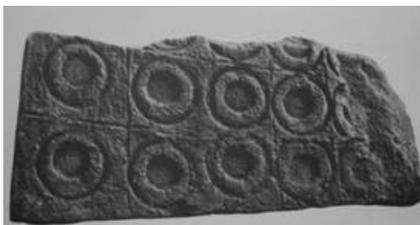

Рисунок 7. Настенная панель с «глазным орнаментом». Урук, Ниневийский период (по Л. Гофф)

Рисунок 8. Изображение быка и солярной востмилепестковой розетки. Рельеф на каменном корыте. Урук. (Британский Музей, фото автора)

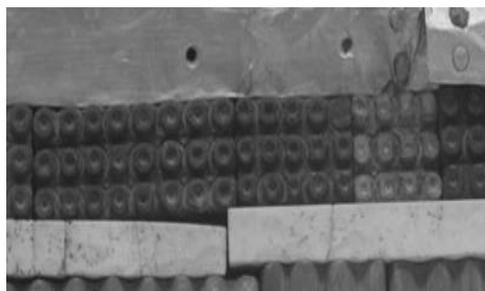

Рисунок 9. Фрагмент настенной панели с солярной орнаментикой, Ур, Тель Брак. (Британский Музей, фото автора)

Такие геометрические знаки-символы как окружность, концентрические круги вписанные друг в друга, окружность с точкой в центре, трёх- и восьмилепестковые розетки, чаще всего являются символами Солнца или Луны, в зависимости от контекста памятника. Круг, нанесенный на тела быков сплошной выбивкой, вероятно, был символом луны, а изображенный в виде пологой окружности — солнца. Двенадцать кругов на теле быка могут означать 12-ть месяцев года, а семь (восьмой выбит нечетко) — дни недели. 8-мь кругов на теле быков могут символизировать восемь месяцев года (+5 дней), которые Венера остаётся невидима для глаза наблюдателя. В.Е. Ларичев писал по этому поводу со ссылкой на уже упоминавшиеся выше старовавилонские источники: «Астрономы восстановили модель периодических явлений, связанных с Венерой, так: между появлением планеты на востоке и исчезновением ее в той же стороне небосвода проходит восемь месяцев и пять дней; продолжительность невидимости, когда Венера при верхнем соединении ее с Солнцем переходит с восточного небосклона на западный, составляет три месяца; на западе Венера снова наблюдается восемь месяцев и пять дней, пока не исчезнем там же при нижнем соединении с Солнцем; продолжительность невидимости до появления планеты на восточном небосклоне принималась равной семи суткам. Если теперь сложить все эти периоды, то продолжительность одного цикла обращения Венеры составит 29 месяцев и 7 дней, т. е. окажется близкой одному синодическому обороту планеты (583,9 сут. * 584 сут.)» [3, с. 14]. Не трудно предположить, что вавилонские жрецы-астрономы бились над вопросом о возможности совмещения циклов оборотов Солнца, Луны и Венеры. Появление 8-ми кругов на телах рисунков быков горы Калбак-Таш заставляет вспомнить о том, что вавилонские жрецы использовали не традиционные (тропический год, синодический лунный месяц) единицы счета времени.

Таким образом, наскальные рисунки горы Калбак-Таш, и, в частности, рисунки быков с телами, декорированными окружностями, интерпретировать как тексты, повествующие о: 1) мостах контактов, которые связывали население Евразии (Ближний Восток и юг Сибири) в бронзовом веке, по которым; 2) глубоких знаниях в области астрономических наблюдений, в частности счислении времени, которые были известны древним скотоводам Евразии; 3) наличии сложной системы мировоззренческих представлений у населения эпохи бронзы юга Евразии и Алтая, включавшего идеи моделирования основных принципов взаимодействия сил мироздания, обозначаемых как Свет и Тьма, с помощью зооморфных и астральных кодов.

Список литературы:

1. Астрономия древних обществ, М.: Наука, 2002.
2. Кубарев В.Д. Образ быка в петроглифах Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. научн. трудов посвящён. 70-летию Я.А. Шера. — Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2002, — с. 51—52.
3. Ларичев В.Е. заря астрологии: зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звёзды. Новосибирск, Изд-во ИАЭ СОРАН, 1999.
4. Окладникова Е.А. Культурные контакты древней Евразии: виды и артефакты (к вопросу о палеоглобализации)// Homo Eurasicus В Системах Социальных Коммуникаций: VI Всероссийская Научно-Практическая Конференция: Коллективная Монография, М: Директ-Медиа, — с. 145—204.
5. Окладникова Е.А. Палеокалендарные тексты горы Калбак-Таш (Горный Алтай, Исторический контекст современности, Сыктывкар: Изд-во Коми.пед Универ, 2010, — с. 6—11.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
LIV международной научно-практической конференции

№ 10 (50)
Октябрь 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 27.10.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,625. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3